

Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования

Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе

Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу <http://books.google.com>.

ГЕЛЮДОРА.

ГЕЛЮДОРА,
ИЛИ
ГРЕЧАНКА,
ИГРАЮЩАЯ НА ЛЮТНѢ.

Соч. Г-на. ЛИНДАУ.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

154103 ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЛАЗАРЕВЫХЪ
ИНСТИТУТА ВОСТОЧНЫХЪ ЯЗЫКОВЪ.

1832.

10/11/1831

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ шѣмъ, чшобы по оппечашаніи предспав-
лены были въ Ценсурный Комитетъ *три*
экземпляра. Москва 1831 года, Ноября 19
дня.

Ценсоръ Левъ Цѣтмаевъ.

ЛЮБЕЗНЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Занимательность сего романа побудила меня перевести его на опечесивенный языкъ, дабы друзья мои, *не могущіе пользоваться оригиналомъ, по незнанію Нѣмецкаго языка*, могли учаспвовапъ въ чувспвуемомъ мною удовольспвіи, при чпеніи онаго. Одобреніе ихъ подало мнѣ мысль сообщитъ его почпенной Публикѣ. Ежели Она найдетъ въ переводѣ сполько же пріятности и занимательности, сколько я въ оригиналѣ, то спудъ мой будетъ съ избыткомъ награжденъ.

ГЕЛІОДОРА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Солнце садилось. Величественно отражались темнѣющія скалы съ своими лѣсиспыми вершинами, кои ограничивали излучины прекраснаго залива въ блестящемъ, тихо волнуемомъ морѣ. Никого изъ путешественниковъ было уже не видно. Въ царствующей тишинѣ слышно было тихое дыханіе дѣвушки, покоющейся близъ самаго берега, на пригоркѣ. Незнакомка, въ сей день свершивъ продолжительное путешествие, и сворошивъ съ лежащей въ

правѣ большой дороги , заснула здѣсь, опдыхая и наслаждаясь вечернею прохладой.

Она была изъ Греціи ; имя ея Геліодора. Уже нѣсколько недѣль находилась она въ продолжительномъ лечальномъ путешествіи опъ южнаго конца Калабріи , гдѣ разъяренное море выбросило ее на берегъ. Уже нѣсколько разъ радовалась сія спранница , когда въ свѣшѣ склоняющагося дня показывался ей городъ , обѣщавшій ея усшалоспи опдохновеніе. Но никогда еще въ душѣ ея не было такъ спокойно , какъ въ шо время , когда въ первый разъ увидѣла дымящуюся вершину Везувія , а наконецъ узился и Неаполь съ своими башнями и дворцами. Чѣмъ ближе подходила она къ городу, чѣмъ болѣе открывались прелести мѣстоположенія, тѣмъ яснѣе спановилось въ душѣ Геліодоры , и пріятнѣе казалась ея будущность. Веселія пред-

чувствія волновали ея сердце. Такъ съ-
ла она на берегу морскомъ : ея чув-
ства покоились на прошедшемъ, а мы-
сли о будущемъ были пріяшны и уса-
дительно, подобно вечернему въпер-
ку, игравшему на груди ея.

Несправедливостью хищнаго Кадія
отецъ ея лишился всего своего значи-
тельнаго имѣнія, которое оспорилъ у
него ближній родственникъ. Супруга
его не долго пережила сей ударъ, ко-
торый открывалъ имъ ужасный видъ
скудной спаросии и зависимое соспо-
ліе любимаго дитяи. Мать ея была
Сициліанка ; отецъ Геліодоры нѣког-
да освободилъ ее изъ рукъ Алжирцевъ,
и нашель свое счастье въ любви ея.
Она овдовѣла послѣ краткаго перваго
супружества, и когда опъ ужаса зем-
летрясенія бѣжала на берегъ морской,
шо была увезена Африканскими мор-
скими разбойниками, которые въ смя-
щеніи и бѣдствіи несчастныхъ иска-

ли добычи. Вопрь все, что онъ зналъ о ея прежней жизни. На смершномъ одрѣ опкрыла она главнѣйшія произшества своей молодости, вручила ему замкнушій ларчикъ, въ коемъ подробно описала жизнь свою, и просила его не прежде опкрышь оный, пока найдешь кого нибудь изъ ея родспвенниковъ въ ея опечествѣ, куда долженъ былъ онъ ѣхать для дочери. Онъ обѣцалъ ей все, и охотно проспиль ея молчаніе о своихъ прежнихъ обшояпельствахъ; ибо правило его было то, что благородный человекъ можетъ многое умолчать, не поперявъ внушенной намъ довѣренности, когда напросивъ объ необшояпельномъ человекѣ желаемъ знать все подробно, прежде нежели ему вѣримся. Онъ скрываетъ сообщенное ею; но когда однажды разговаривалъ съ своею дочерью о любезной умершей, то сказалъ со слезами на глазахъ: Твоя мать была благородныхъ чувствъ,

эпо я давно зналъ ; но также весьма несчастна , эпо узналъ я только передъ ея смертію . Уподобляясь ей въ первомъ—продолжалъ онъ , глядя въ ея ясные голубые глаза , и радуясь , сохранивъ въ дочери образъ покойной — но не въ несчастіяхъ . Казалось , что Геліодора долженствовала походить на нее совершенно своими добродѣтелями ; ибо мать съ нѣжной заботливостію пеклась о ея образованіи , отклоняя всякое пагубное впечатлѣніе , могущее заразить цвѣтъ , развивавшійся ея спараньями . Сама она рано была привержена , съ какимъ то особеннымъ вдохновеніемъ , къ Греціи , — коей мудростію и искусствами юная душа ея была питаема , а теперь водила и дочь свою между пріятными видами древности , и спаралась рано вперить въ душу ея сей высокій духъ , сіе глубокое истинное чувство , сію прелестную живость ума , копорыя шлоико возвышали Елиновъ надъ про-

чими людьми. Она была увѣрена, что нужно только возбудишь въ человѣкѣ непреложное побужденіе къ хорошему и истинному, и ясно представишь его взорамъ всѣ отношенія жизни, и потомъ уже предоставишь его самому себѣ, не опасаясь, чтобы онъ и въ сильнѣйшей бурѣ потерялъ себя. Она почитала, что никакая смертная сила не возможетъ совершенно отъвернуть бѣдствій жизни, и что человѣкъ есть распыленіе, определенное не для шеплицы, а для просторнаго сада жизни, гдѣ оно разроствается подъ вліяніемъ переменяющихся годовыхъ временъ.

Вскорѣ по смерти супруги своей, Базилидъ, — такъ назывался отецъ Геліодоры — удручаемый недоспащкомъ, принужденъ былъ, спранспвуя съ своею дочерью, снискивать ей пропитаніе пѣніемъ и игрою на люшнѣ. Нѣсколько времени проходили они

Грецію, но вскорѣ вознамѣрился онъ перейти въ Ипалію, опчаспи для шогю, чшобы исполнить волю супруги своей, а опчаспи по шому, что надѣялся тамъ болѣе пріобрѣсти, хошя и не вскорѣ опыщешъ родшвенниковъ ея. Они прешерпѣли кораблекрушеніе при берегахъ Калабріи. Геліодору нашель рыбацкъ не далеко опъ Амондо-ліи; она шщешно искала опца своего, оплакивала погибель сего благороднаго мужа, и сердце ея содрогалось при мысли, бышь совершенно оставленною въ чуждомъ мірѣ. Опдохнувъ у своего из-бавишеля, она не находила инаго сред-шва для своего пропитанія, какъ ходишь изъ города въ городъ; по счастію спасла она свою люшню, драгоцѣн-ный памяшникъ ея мапери, пошому чшо всегда носила ее крѣпко повѣшен-ною черезъ плечо на лентѣ огненна-го цвѣша.

Не долго еще покоилась она на бе-

регу моря, гдѣ мы съ ней встрѣпились, какъ медленно приближился юноша, шедшій по дорогѣ изъ Песпо въ Неаполь. Онъ провелъ послѣобѣденное время въ музеѣ въ Портичи, и видѣ произведеній искусствъ пріятной древности на нѣсколько минутъ уладилъ горесть, копоралъ, чѣмъ ближе онъ подходилъ къ городу, тѣмъ живѣе возбуждалась въ груди его. Онъ долженъ былъ найши тамъ любимую имъ дѣвицу, съ копорою разлучала его преграда приличій, можетъ быть уже супругой другаго счастливѣйшаго человѣка. — Осшая большую дорогу, онъ шелъ ближе къ морю, дабы лучше насладиться вечерними видами, и часто оспанавливался, разсмапривая прелести, споль изобильно распочаемыя природою въ семь проспранствѣ. Въ сей спрантѣ, поняпія его о живописи ландшафтовъ усовершенствовались; здѣсь провелъ онъ нѣсколько лѣтъ съ значительной выгодою для

своей жизни, и здѣсь предуготовалось его сердцу шоржесство прекрасное. Онъ зрѣлъ передъ собою городъ, гдѣ находилась душа его, и размышлялъ о судьбѣ своей. — Садясь и открывая свою шеку, онъ воскликнулъ: какъ пуща! какъ мало исполнено! Нѣкогда, прохаживаясь подъ развалинами Песпо, или въ Порпичи, переселясь мысленно въ лучшій вѣкъ, сколь богатымъ возвращался я! — Я мнилъ найпи опять поперянное спокойствіе между сими почтенными свидѣтелями прекрасной дѣяпельности — но приношу полько покорность судьбѣ; я примирился съ ужасной мыслию невозможности. Окончилъ полько сію колоннаду Псевдо-Дипшероса въ Песпѣ — а такъ пвердо рѣшился принести съ собою картину всего превосходнаго памятника. А опъ пьянаго Фавна въ Порпичи полько сіи малыя чершы! — Ахъ! некогда я споль болѣзненно не чувствоваль въ себѣ сію испину, что спо-

койспвіе должно обипать въ мирномъ духѣ, который хочеть говорить чрезъ произведеніе искусства.

Онъ вспаль и, идучи впередъ, увидѣль въ споронѣ спящую дѣвушку. Подошелъ ближе, и прелестный видъ поразилъ взоры его. Колеблющая вечерняя заря изливала на нее слабое мерцаніе, которое на вѣсколько минуць предало возбужденное воображеніе юноши мечпѣ, будто онъ перенесенъ въ зланыя времена, когда небесныя существа сходили къ роду смертныхъ и, ходя между ими, облегчали имъ труды дневныхъ работъ житейскихъ. Онъ спаль на колѣна, почпипельно наклонился къ спящей, и мрачный видъ его развеселился при возрѣнїи на покойспвіе, сіявшее на семь прелестномъ лицѣ. — Иногда проспираль онъ руку, дабы разбудить ее; но наслажденіе прїятнымъ покоемъ, которое познавалъ по тихой улыбкѣ успѣ ея, удер-

живало его, а шакъ какъ положеніе ея было безопасно, по онъ довольствовался шѣмъ, что далъ свободу взорамъ своимъ покоишься на ея прелестяхъ.

Онъ сорвалъ въ Песпо одну изъ пріятно благоухающихъ подъ развалинами розъ; она уже поблекла, но онъ положилъ ее оспорожно на грудь дѣвушки, и удалился попомъ съ глубокимъ впечатлѣніемъ сего зрѣлища въ сердцѣ.

Вскорѣ попомъ Геліодора проснулась, и поспѣшно вспала, дабы достигнуть Неаполя прежде ночи; роза упала передъ нею, и она покраснѣла при мысли, что прохожій положилъ ее къ ней. Чувствуя себя веселѣе и подкрѣпленною крапкимъ сномъ, бодро пошла она во срѣшеніе новымъ испытаніямъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Геліодора шла по большой дорогѣ, и ночь уже наспушила, когда она достигла селенія, украшеннаго многими привлекашельными вилами (* дворянъ. Спрашась заблудишься во мракѣ, рѣшилась она искашь здѣсь ночлега, и подошла къ двери маленькаго хорошо выспроеннаго домика. Ёдва сдѣлала нѣсколько аккордовъ на люпнѣ, какъ преспарѣлый человекъ опворилъ дверь, и дружеспвеннымъ видомъ пригласилъ ее войпи. Ты запоздала, сказалъ онъ, введя ее въ опряшную комнапу, и врядъ ли найдешь поспоямый дворъ, Я предлагаю шебѣ ночлегеъ, какой имѣю, а ежели бы не былъ больной, вошь въ

—
(* Загородные дома.

эпомъ алковъ, по даль бы шебъ лучшій. — Онъ спитъ, не правда ли Беата? спросилъ онъ дочь свою, веселую дѣвушку испинно Ипаліанскаго вида, кошорая, споя у 'сшюла, выбирала плоды, и на вопросъ опца своего подошла прислушиваяся къ двери алкова. Да, да! опвѣчала она шихо, но не шумите, бапюшка, чшобы его не разбудишь; сонъ будешъ ему полезень. — Когда онъ проснешся, продолжалъ Лорензо, говоря Геліодоръ, шо привѣтствуй его шихой пѣсню: это его, можешъ бышь, развеселишь. Беата подошла, и предложила чужеспранкъ освѣжающіе плоды: Возьми, возьми всѣ, сказала она, у бапюшки еще много, много деревъ! а эши плоды съ моихъ деревьевъ. — Ты конечно идешъ въ Неаполь? спросилъ спарикъ, между пѣмъ какъ она брала плоды, и вѣрно много пріобрѣшешъ шамъ; но послушайся моего совѣша, останься завпрешній день здѣсь. Сынъ Принца Бонари, надъ

садами коего я присматриваю, завтра вечеромъ женился здѣсь, на нѣкошорой Ормонделли, кошорую называюшъ чудомъ красопы. Прекрасный загородный домъ въ концѣ деревни, близъ самаго взморья — шы вѣрно мимо его шла? — принадлежишъ невѣстѣ, и шамъ будушъ праздновашъ сіе шоржеспво. Все знашнѣйшее дворянство будешъ шамъ, и шы могла бы получишъ выгоду. Да, эшопъ союзъ шакъ вдругъ сладился; пока жива была машъ барышни, шакъ никшо обѣ немъ и не думаль. Принцъ Гвидо увидѣлъ ее у родшвенника, въ домѣ коего живешъ она послѣ кончины машери своей, и онъ ея опекунъ; говоряшъ, онъ спрасшно въ нее влюбился, и ошець его, мой господинъ, кошпорому сей союзъ попчасъ понравился, вскорѣ сладиль дѣлошо съ опекуномъ. — Между нами будъ сказано; эшомъ союзъ долженъ видно многое загладишъ; поштому чшо, видишъ, оба семейспва были очень раздраже-

ны другъ прошивъ друга : нашъ баринъ нѣкогда обидѣлъ дядю своей будущей невѣстки. — Я не хочу защищать его, хотя онъ и господинъ нашъ; но я знаю то, что его на спароспи лѣшь очень часпо мучило воспоминаніе причиненныхъ имъ спраданій этому честному спарому барину. — Я погда еще былъ въ Сициліи, а нашъ баринъ, одинъ изъ богашѣйшихъ государшвенныхъ бароновъ шой спраны, всегда предпочиталъ своему спечешву пребываніе въ Неаполѣ. Правда, когда онъ былъ молодъ, шо проводилъ цѣлые мѣсяцы на прелеспномъ оспровѣ, увивался около его прекрасныхъ дѣвушекъ, и наслаждался весело жизнию. Но съ тѣхъ поръ какъ здѣсь женился и получилъ почешное мѣспо при дворѣ, шо уже рѣдко посѣщалъ свое спечештво, и закупилъ, одно за другимъ, многія помѣспья въ Терра-ди-Лаворо.

Геліодора прервала рассказъ добро-

душнаго спарика вопросомъ: Давно ли ты здѣсь? —

Послѣ землеприсенія, опивчалъ онъ, баринъ приказалъ мнѣ сюда переселиться. Ахъ! какое ужасное время эпо было; сіе несчастіе и у меня похищило жену и двухъ добрыхъ сыновей. Вопшъ эша дочь одна шолько оспалась мнѣ опшъ шѣхъ счастливыхъ времянь. Грубой рукой оперъ онъ слезы — послѣ споль долгаго времени еще слезы? сказалъ онъ помолчавъ, эпого бы я не думалъ! — Добрай, бѣдной человекъ! воскликнула Геліодора. — Тогда, продолжалъ онъ, многія семейства переселились въ Неаполь, у коихъ шамъ были помѣстья. И машь барышни съ шѣхъ поръ жила здѣсь по смершь свою. Не правда ли Беапа, шеперь ровно годъ, какъ она скончалась Маржеза ша? — она была добрыйшая женщина. Лышо всегда проводила здѣсь, была благосклонна и ласкова ко всякому, шакъ чшо съ нею мо-

жно было говорить все, что было на сердце. Да и дочь ее, будущая наша госпожа, прелюбезная барышня. Да будетъ она счастлива! но говоряшь, что она жениха своего не очень любишь, и сильно прошивилась сему браку. Я не ручаюсь за справедливость сего, а мнѣ сказалъ эшо по доверенности камердинеръ нашего барина, который свашаеся за моего Беашу. — Она его не любитъ, сказала Геліодора, и хочетъ за него выпши? Да, любезное дитя, возразилъ Лорензо, родственники хопяшь эшого, чтобы опяшь соединить враждующія семейства. — И шакъ принужденно? спросила дѣвушка, о какъ эшо ужасно! Ну, не то что по принужденію, сказалъ Лорензо, а шакъ по уговору, шакъ — по неволѣ. — Я шоже думаю, прервала Беаша, что она его не шакъ любитъ, какъ того прекраснаго барина, котораго мы часто встрѣчали при Позилиппѣ, когда я тамъ гуляла съ

Сабиной Карефи; онъ шамъ списываль море, скалы и Везувій. Я эшо очень примѣшила, когда онъ наведни прохаживался у моря съ бариномъ и барышней. — Когда я въ послѣдній разъ видѣла сего добраго господина, онъ казался очень печальнымъ; вѣрно узналъ, что она выходитъ за нашего барина. Какъ ты заболшмалась, сказалъ ошець съ упрекомъ, какъ можешъ барышня, споль знашой породы, такъ унизишься? — Что ты подъ эшимъ разумѣешь, спросила Геліодора, унизишься? — Ну, да ежели она его болѣе любитъ, нежели своего господина? Не вѣрьшму, что говоришь эша болшушка; ну хоть она барина и не очень любитъ, такъ эшо придетъ послѣ. Ты видно думаешь, Беапа, что надобно все цѣловаться и вздыхашъ, какъ ты съ Гиларіемъ, чтобы женишься; а эшо пустое. Какъ я женился, такъ у насъ ни слова о любви не было. Мы кланялись проспо какъ знакомые и больше ничего;

коль скоро я поладилъ съ ея опцомъ, то и свадьбу попчасъ сыграли. Она меня шакже не очень жаловала, думаю я; однако все пошло хорошо, и мы послѣ жили въ любви и согласіи. — Это было счастье, сказала Геліодора, но я думаю, что любовь есть прекрасный вѣнокъ, кошорый съ начала міра обвиваетъ и сохраняетъ жизнь; ласковый ангель, кошорый пишаетъ, лелѣетъ сердце, и успокоиваетъ, когда оно переспаетъ биться.

Больной тяжело вздохнулъ. Тише, сказалъ садовникъ, онъ просыпается; начинай свою пѣсенку. Геліодора вспала и шихо запѣла колыбельную пѣснь Саффо, на кошорую сама нѣкогда сочинила голосъ. Едва пропѣла она первый стихъ, какъ изъ алкова раздался слабый, знакомый голосъ: Дора! моя Дора! Она бросается къ кровати, двѣ слабыя руки просперлись къ ней, и она лежала на груди опца своего. —

Благодарю Бога, что Онъ даровалъ мнѣ еще сію радость передъ концемъ моимъ! началъ онъ, послѣ радостнаго молчанія, что я вижу тебя спасенную, о любезное дитя! Съ бѣдственной разлуки нашей, я прошелъ всю страну сію, и искалъ тебя съ сокрушеннымъ сердцемъ, Я уже привыкъ къ мысли, что чужая рука подожжетъ мнѣ последнее мягкое изголовье. — А сіе свиданіе! нѣтъ, я не спану роптать на судьбу!

Опець, подобно дочери, былъ спасенъ благопріятной судьбой. Онъ на обломкѣ корабля былъ выброшенъ на правую сторону мыса Спаршивенто, и тщетно искалъ своей дочери на еей сторонѣ берега. Ужасъ кораблекрушенія и поврежденіе груди такъ распрострили его слабое шѣло, что онъ больной прибылъ въ пошъ домъ, гдѣ опять заключилъ въ объятія дочь свою. Счастлииво спасъ онъ ларчикъ

своей супруги ; теперь отдашь онъ дочери своей , сказавъ ей фамилию матери ея и поручивъ отдашь онъ первому родственнику ея , котораго опыщешь . Возьми его поспешь къ себѣ , сказалъ онъ , и не выпускай изъ рукъ , пока и ты узнаешь , какое благородное , освященное судьбою существо была твоя мать . — Я ее скоро увижу и передамъ ей твоей поцѣлуй . —

Старый Лорензо и дочь его спояли въ изумленіи подлѣ кровати , слышали незнакомый языкъ и не понимали , что происходить . — Добрый человекъ , сказала Геліодора , это отецъ мой ! — Благодарю тебя , что твои попеченія сохранили мнѣ его . Но видишь , я бѣдна !

Базилидъ сдѣлался слабѣе ; радость его слишкомъ расстрогала . Беата бросилась ему помочь , Лорензо взялъ стаканъ кровянистаго напитка — Предоставьте это мнѣ , сказала Геліодо-

ра, онъ мой ошець. — А я за нимъ ходила, и бдѣла у его кровати, сказала печально Беапа. — Ты за нимъ ходила! вскричала Геліодора, обнявъ ее, любезная, любезная Беапа!

Больной заснулъ. Дора не хопѣла опойки онъ его поспели, хошя Беапа непреспанно ее уговаривала лечь, пошому чшо ей покой былъ весьма нужень. Объ дѣвушки не ложились. Тихо пожимала Геліодора Беапины руки, и часшо шепшала: Беапа, ты за нимъ ходила! Въ полночь сонъ овладѣлъ ею, и она иногда склонялась на грудь подруги; но при малѣйшемъ движеніи оной, оняпъ поднимала голову и говорила: Ты не спишь, Беапа? и я не спала, а только усшала.

Какъ скоро начало разсвѣшаніе, Геліодора тихо склонилась къ лицу ошца своего, и попечительно спросила: Каково тебѣ, башюшка? Онъ слабо по-

жалъ руку ея, кошорая опустилась на плечо его, и весело улыбулся.

Послѣ обѣда уже слышны были пригоповленія къ брачному шоржеспву ; карѣшы приѣзжали и уѣзжали, и улица сдѣлалась живѣе.—День прошель у дочери въ попеченіяхъ объ опцѣ. Она должна была разсказать ему свои произшесствія ; а онъ далъ ей многія поучительныя наспавленія для будущей, исполненной опасностей, жизни. — Ахъ! сказалъ онъ, я желалъ бы выздоровленія шолько для шого, чшобы жишь для шебя. Съ спѣсеннымъ сердцемъ оспавляю свѣшь, въ коемъ шы блуждаешь въ бѣдноспи и не имѣя друга: О дочь моя, какъ будешь шы направляшь спези свои въ ночномъ мракъ? Ты никогда не измѣнишь внушеніямъ и намѣреніямъ чистаго сердца швоего, въ эщомъ ручаешься мнѣ швердосшь швоя. Нѣшь! при малѣйшей измѣнѣ воспоминаше о мащери швоей

сдѣлалось бы для нея ужаснѣйшимъ мученіемъ ; воспоминаніе сего небеснаго образа , предъ коимъ всякое недостойное помышленіе безмолвствовало, и который водворялъ мирную тишину вездѣ, гдѣ раздавалось наставительное его слово. — Сохраняй сіе воспоминаніе какъ драгоценность твою! — Но ахъ, кто можетъ обезопасить тебя отъ несчастія? Въ жизни есть опасности, въ кои насъ самое сіе ясное понятіе и чистое сердце нѣмъ скорѣе ввергаютъ, и кои можемъ мы побѣдить только проникательнымъ взоромъ, который даетъ опытность, а ее часто пріобрѣтаютъ и развращенный человекъ легче, нежели благородный. — Гдѣ чистота и глубина, тамъ и опасность; но кто бы захотѣлъ промѣнять свое богатство, при всей опасности отъ преслѣдованія, на бѣдность нищаго? О поди, дочь моя, поди ищи Ангела Хранителя, который бы къ тебѣ присоединился, и дружески пу-

переводилъ спововалъ тебѣ сквозь мрачную спезю жизни. —

Разговоръ ослабилъ его. Прижимая крѣпче руку возлюбленной дочери къ груди своей, онъ продолжалъ послѣ крашкого молчанія: Я оставляю тебѣ свѣту; я оставляю ему любезнѣйшее мое! — Да посвящишь тебѣ къ прекраснѣйшей жизни, воспоминаніе сего часа и каждое благое слово, говоренное мною когда либо душѣ твоей. — Геліодора, я предаю тебѣ сердцу твоему, ибо я на него полагаюсь: оно пребудетъ чисто и благородно, хотя бы глаза твои никогда не осушались отъ слезъ.

Уже смерклось, Лорензо напомнилъ что пора итти въ замокъ; что вѣнчальный обрядъ кончился, какъ сей часъ слышала Беата, и что конечно собираются къ столу. — Поди туда, Дора, сказалъ отецъ; въ радостномъ

вѣнкѣ, который соплешаютъ веселье, они не захопавъ забывъ прелестнѣйшій цвѣтокъ, благопворительность; а то, что ты шамъ получишь, опдадимъ симъ честнымъ людямъ. — Но прежде дай мнѣ услышатъ еще разъ любимую пѣснь твоей мапери, чтобы я заснулъ въ мечтахъ прошедшаго.

Онъ заснулъ при тихихъ звукахъ пѣсни; нѣжная дочь приближилась, подила оспорожно локонъ, лежащій на его улыбающемся лицѣ, и поцѣловала ясное чело его. Беапа проводила ее, дабы показатъ ей Виллу Ормондели. Онъ проходили мимо многихъ освѣщенныхъ загородныхъ домовъ, и Геліодора радовалась зрѣлищу веселыхъ жилищъ, копорымъ она никогда не наслаждалась въ своемъ опустошенномъ опечесствѣ, бывшемъ нѣкогда колыбелью изящной образованности. Наконецъ онъ оспановились у садовыхъ дверей, гдѣ Беапа ее оспавила.

Геліодора обѣщала скоро возвратишь-
ся, а до тѣхъ поръ просила ее ле-
гнись обѣ опцѣ ея. Она шла по аллеѣ
благоухающихъ померанцовыхъ деревь
и достигла входа въ замокъ. Зеркаль-
ныя окна сіяли во мракѣ, какъ сол-
нце, и громкія восклицанія радости
раздавались въ шихомъ воздухѣ.

ГЛАВА ТРЕТЯ

Когда мы дѣлаемъ значительный шагъ въ жизни, то почти всегда шайный гласъ возбуждается въ насъ; легкомысленнѣйшій человекъ размышляетъ, самый мудрый дѣлается ошопрителенъ. — Геліодора ошановилась съ изумленіемъ, когда предъ нею заблоспала свѣшлая мраморная дѣсница. Она, взошедъ по ней, достигла до полуосвѣщенной прихожей; хотѣла пройши чрезъ ошворенную дверь, ведущую въ право въ маленькую не столь свѣшлую комнату, но ей показалось, что радостный шумъ общества удаляется, и что, можеть бышь, сей пущъ ведетъ въ другой флигель замка. И шакъ возвратилась назадъ и, обращая къ другой двери, ведущей въ свѣшлый корридоръ, взоры ея ошановились на каршинъ, висящей въ споронѣ шакимъ

образомъ , что ее вполне освѣщало. Она предшавляла ночь и приморскую спрану. Въ дали огнедышущая гора , изъ коей поднимались густыя облака дыма ; пошокъ лавы клубился по споронъ его чрезъ лугъ къ морскому берегу ; въ споронъ разрушалась вила : дико лежали колонны въ безпорядкѣ , полько одна спояла еще наклонившись съ часпію фронтона ; какъ бы падая — корабль приспалъ , и два человекъ , въ чужеземномъ одѣяніи , схвативъ молодую женщину , влекли ее къ берегу. Немолодая женщина удерживала маленькую дѣвочку , которая простирала руки и , казалось , хотѣла удержашъ увлекаемую. Она обращала назадъ лице съ выраженіемъ жеспочайшаго спраданія. — Сія картина удивительно расспрогала Геліодору ; ибо она думала о подобной судьбѣ машери своей ; душа ее была крайне возмущена , и она спояла погруженная въ раждающихся предчувствіяхъ , какъ тихій шорохъ

шаговъ въ корридоръ пробудилъ ее. Поспѣшно бросилась она въ шемную комна-
 шу, а опшуда въ другую, ведущую шак-
 же въ корридоръ. Когда она вошла въ
 оный, шо вдругъ сдѣлалось шемно, и
 она медленно пробиралась вдоль спѣ-
 ны. Слабое мерцаніе, прерывавшее
 мракъ, подало ей вновь надежду выпш-
 ши на истинный пушь. Направя ша-
 ги къ оному, пришла она въ малень-
 кую прихожую, и услышала звукъ
 шихошепчущихъ голосовъ изъ слабо
 освѣщеннаго кабинета. — Ангелика,
 сказалъ потомъ громче прекрасный,
 благозвучный мужеской голосъ, шы на
 это опшважилась? я возвратился изъ
 пушешествія, опъ копорого и шы
 надѣялась, что оно доспавитъ мнѣ
 спокойствіе; — но душа моя не излѣ-
 чилась, всѣ ея раны были еще свѣжи,
 когда я вошелъ въ свое уединенное жи-
 лище. — Но швое письмо! — Какое
 письмо, Ангелика! Оно меня падшаго
 мгновенно перенесло въ небеса. Я едва

вѣрилъ глазамъ своимъ, чипая порже-
 ственный обѣщъ вѣчной любви шво-
 ей, и шо къ чѣму она себя побуди-
 ла! — Ахъ, Риналдо, опшвѣчалъ женскій
 голосъ, сколько спрадала я во время
 сей разлуки! чѣмъ ближе подходилъ
 спрашный день, тѣмъ сильнѣе дѣлал-
 ся мой ужасъ къ нему—и ежели бы ты
 хошь двумя днями равѣ пришелъ, шо
 бы я не обременила совѣспи своей
 ложью. О съ какимъ усиліемъ выпѣ-
 снилось эшо *да* изъ моего сердца! я
 хошѣла произнеспи его свободно и
 весело; но во внупренноспи сердца
 моего вопіяло: *измѣнница!* и я содро-
 галась. Видѣлъ ли ты какъ я была
 смущена? видѣлъ ли, какъ я блѣднѣла,
 Риналдо? — Я стоялъ прошивъ себя,
 прислонясь къ столбу; ты произне-
 сла другому священный обѣщъ, *милъ*
 принадлежавшій — и я лишился памя-
 ши; ужасное *да* сорвалось съ устъ
 швоихъ, и я узрѣлъ разверзающуюся
 бездну между нами, — я колебался на

одномъ краю оной , ты надъ другимъ
наклонялась—мы просшерли объашія—
низринимся , низринимся ! памъ поль-
ко обрѣшемъ блаженспво! — А мой
спрахъ, Риналдо, до сей минушы, при-
дешь ли ты прежде ужасной ночи—

Геліодора была крайне расшрогана !
Спрашась измѣнишь себѣ , она поспѣ-
шно удалилась опъ двери, и скоро при-
шла въ освѣщенный ходъ , приведшій
къ споловой. Слуги смошрѣли въ изу-
мленіи на дѣвушку , поспоронялись
опъ сего чуждо одѣшаго явленія , и
впустили ее. Споль почши кончился,
музыка призывала къ танцамъ. — Ге-
ліодора подошла ближе и въ безмол-
віи поклонилась. Громкій разговоръ
прекращился , и всѣ взоры успре-
мились на нее. Какъ мгновенное яв-
леніе изъ другаго міра , спояла она
въ пространной залѣ; ослѣпительный
блескъ восковыхъ свѣчей придавалъ
ей волшебное освѣщеніе и образовалъ

около нея свѣшлый кругъ. Съ неизъяснимой прелесцью положила она лющю на руку, задумчиво ударила нѣсколько струнъ, и запѣла по Италіански на веселый голосъ школію :

Хвала тебѣ Эротъ крылатой,
 Неукротимый Богъ любви!
 Смодрише, какъ спрѣлой пернатой
 Готовъ онъ огонь зажечь въ крови.

Какъ лукъ златой его блестятъ
 Бросая яркій свѣтъ,
 Какъ быспро вдругъ спрѣла лепишь; —
 Но самой оспрой — нѣтъ.

Кто скорбью сердца удрученъ, —
 Тотъ опъ Эропа уязвленъ
 И имъ же ушьяемъ. —
 Вонъ онъ лепишь,
 Вошь онъ манишь,
 Любви прельцающа раемъ! —

Кубокъ блестящій
 Пѣньте ему —
 Пѣсню гремящей
 Славьте его!

Рукоплесканія раздалися пѣвицѣ. Ласково опшѣчала она на скромные вопросы объ опечествѣ ея и несчастіяхъ, чѣмъ и пріобрѣла у всѣхъ сердечное участіе. Спарый принцъ разсматривалъ ее внимательнѣе; ему казалась судьба ея таинственнѣе, нежели прослая испина, рассказанная ею. Мы обыкновенно подозрѣваемъ тайну шамъ, гдѣ усматриваемъ прошивуположность высокаго образованія съ зависимымъ соспояніемъ, наипаче когда, такъ какъ здѣсь, произхождение было изъ шакой спраны, которая всегда приводитъ воображеніе въ дѣятельность. Онъ спросилъ, не знаете ли она опечественной пѣсни? Она тихо заиграла прелюдію — остановилась,

чтобы опереть слезу, выкапавшуюся
изъ большихъ голубыхъ гдазь, и, со-
бравшись съ духомъ, запѣла:

Что памь, въ лазурномъ небосклонѣ,
Изъ волнъ сребристыхъ вознеслось? . . .
Туда, — на юномъ жизни лонѣ
Все чувство пылкое неслось!
Туда влекли меня желанья,
Надежды юности молодой . . .
Какъ бы спрана очарованья
Манила ны всегда собой. —
Забошь не зная; въ сердць дѣпскомъ,
Мнѣ мнилось — милая спрана,
Какимъ-то непоспижнымъ блескомъ
Всегда была озарена.

Тамъ — море блещеть гдѣ въ сіяньѣ;
Отъ пѣхъ желанныхъ береговъ,
Неслись въ прозрачномъ одеянѣ
Толпы невѣдомыхъ духовъ.
Они свѣплы — ко мнѣ спѣшили
Въ вѣнкахъ лавровыхъ на главахъ;

Они всѣ тайны разрѣшили ,
 Въ груди сокрышыя; — и ахъ ,
 Вдругъ пробудили, что безвѣстно
 Мнѣ было въ юности златой ! . . .
 Душа проснулась — все прелестно —
 Всѣ обновилось предо мной.

Они радушно представляли
 Мнѣ древней жизни блескъ свяшой;
 Блаженство смертныхъ мнѣ являли
 И сонмъ Боговъ, — Героевъ строй ,
 Вѣнцами чести украшенныхъ ;
 Они носились въ высоту —
 Остатки славы ихъ неплынной
 Подъ ними зрѣлись въ красоте.
 Въ лучахъ ея они мелькали ,
 Казались свѣтлѣе дня
 И въ оныхъ — гордо посвящали
 На громки подвиги себя. —

Тамъ въ облакахъ прозрачныхъ, — ясныхъ,
 Пѣвцовъ несется хоръ сюда ;
 Ихъ сладкой пѣсни звукъ согласный
 Меня влечетъ къ нимъ навсегда.
 Я къ нимъ обещаю просшираю,

Хочу на встрѣчу имъ лепить ;
 Туда невольно взоръ вперяю
 И памъ желаю умереть .
 Вся жизнь, — всѣ чувства, — всѣ желанья ,
 Въ опчизнѣ Эллиновъ всегда, —
 Кошора тамъ небесъ въ мерцанья
 Изъ океана волнъ видна. —

Воспоминанія, возбужденныя въ дуплѣ
 ея сей пѣсню , придали ей голосъ, со-
 опвѣщавшую оной ; съ разитель-
 ной истиной выражала она мечтатель-
 ное желаніе, описанное въ ней. — Ни
 одинъ звукъ не прерывалъ ее , а когда
 кончила, по грудь каждаго какъ будто
 облегчилась. Старый принцъ слушалъ
 съ великимъ участіемъ и , кажется ,
 вспоминалъ знакомый голосъ: онъ попу-
 пилъ голову , когда Геліодора кон-
 чила , и спросилъ : ею ли сочинены
 слова и голосъ? — Оба матерью мо-
 ею, возразила она. Ежели угодно вамъ,
 я спою ее на Ипалійскомъ языкѣ , на
 коемъ она сочинила — Она изъ Ипаліи?

А гдѣ она? спросилъ принцъ. — Изъ Сициліи, ошвѣпшвовала дѣвушка; но она тамъ! поднявъ медленно руку вверхъ.

Геліодора начала шуже пѣснь на Испанскомъ языкѣ; принцъ поблѣднѣлъ — въ безпокойствѣ колебался на стулѣ — Боже! вскричалъ онъ, вскочивъ, ошановись! ошановись! Глухой шумъ въ замкѣ прервалъ ее; молодая особа бросилась въ комнашу. Ужасно раздались: Огонь! Разбойники! Разбойники! и два выстрѣла раздались подь самымъ окномъ. Всѣ вспревожились — въ споловой сдѣладось шемно. — Геліодора поспѣшно удалилась, сбѣжала по мраморной лѣстницѣ и скоро очутилась въ саду. Спращась попаспъ въ руки разбойниковъ, пробралась она въ кустарникъ; чшобы скрыпсья тамъ, и прислушашпсья, пока пройдепъ опасноспъ. — Шумъ ушпхъ въ домѣ. — Она вспомнила объ ошцѣ, хотѣла вступпщъ на дорожку, ведущую пови-

димому къ задней калишкѣ ; но едва сдѣлала нѣсколько шаговъ , какъ услышала вблизи пихій шопопъ . Она бросилась въ боковую пропизку . Все упихло . Опять выступила , и повпоренный шорохъ испоргъ у нее восклицаніе ужаса . Вдругъ два человѣка , закушанные въ темные плащи , бросились къ ней . Пойдемте — скорѣе , скорѣе ! вскричалъ одинъ , схвативъ ее за руку и увлекая за собою . Она была внѣ себя , когда пришли къ каретѣ , сполвшей близъ морскаго берега ; ее посадили въ оную , замкнули , кареша помчалась , а она лишилась чувствъ .

Она опамяшовалась по упру , когда карешу , оспановившуюся на улицѣ передъ уединеннымъ домомъ , ошворили . Благовидный мущина подошелъ , предложилъ ей закусипъ , и она по голосу узнала шого самаго , кошорый ее вчера похипилъ . Каково вы себя чувствувеше ? спросилъ онъ , вчера вече-

ромъ вы казались весьма испуганными; я надѣюсь однакоже, что вы подробно были увѣдомлены обо всемъ? Увѣдомлена? Я? о чемъ? Ахъ, я ничего этого не знаю! — Это весьма не оспорожно, сказалъ онъ. — Но куда вы меня везете? спросила она со страхомъ. — И этого вы не знаете, ошвѣпствовавъ незнакомецъ; я не понимаю! намъ почти еще двое суютокъ ѣзды. Но позвольте намъ не оспанавливаясь долѣе здѣсь, это было бы опасно. — Онъ поклонился, и карета продолжала путь.

Съ переменными чувствами страха и надежды, бѣдная дѣвушка спаралась изъяснить себѣ сіе странное несчастіе. Проводники ея по наружности казались честными, даже знаменными людьми, а уваженіе и вежливость, съ которою обходились съ нею, препашествовали опасаться, что она попала въ руки подлыхъ людей. —

Но спрахъ ея возобновлялся , когда взоры ея провожаемыхъ оспанавливались на ней, и она казалась предметомъ ихъ разговоръ. — Къ чему насильственное похищеніе при хорошихъ намѣреніяхъ? говорила она сама себѣ ; и чего хошашъ опъ меня, неизвѣстной, бѣдной чужеземки? — Кшо можешъ имѣшъ причины овладѣшъ мною? —

Она привела себѣ на память вниманіе, съ коимъ спарый принцъ ее разсмашривалъ , и его сильное смущеніе. Между тѣмъ какъ душа ея занималась сей мрачной возможностью, взоры ея оспановились на Песпской розѣ , которую приколола она къ шляпѣ , и другое ужасное опасеніе возникло въ ней. Она вспомнила многое, что слышала о похищеніяхъ и романическихъ приключеніяхъ; ея воображеніе легко изобрѣло связь, и при успрашающемъ предположеніи , что давшій розу еспъ ея похититель, она изъясняла себѣ несчастіе свое.

Отецъ предспавился душѣ ея. О ба-
 пюшка, вскричала ова, я шебя уже не
 увижу! не *моя* рука подложилъ шебѣ
 послѣднее мягкое изголовье; въ опасе-
 нїяхъ и спрахѣ сомкнулся глаза
 твои! — Слезы ея полились. Но я бу-
 ду воспоминашь о шебѣ! Чпо бы судь-
 ба мнѣ не опредѣлила, твои драгоцѣн-
 ныя слова будушь мнѣ незабвенны,
 будушь сіяющею звѣздою во мракѣ! —
 Она прислонилась къ заду карепшы; не-
 изьяснимое умиленіе овладѣло ею. Вса-
 дники были близко. Спранно, сказалъ
 шихо одинъ, чпо она ни о чемъ не
 знаетъ! — Непроспшительно, легко-
 мысленно, возразилъ другой, подверг-
 нушь бѣдняжкѣ спраху шакой нечаян-
 ности. Какъ легко можно было пре-
 дупредить ее нѣсколькими словами. —
 А не увѣрилъ ли онъ насъ, продолжалъ
 первый — чпо она будешъ увѣдомлена
 обо всемъ? И хопя исполненіе было
 весьма поспѣшно, но онъ все имѣлъ
 довольно времени переговоришь съ нею.

О какъ злобно! думала Геліодора, недоспойный чловѣкъ употребилъ во зло своихъ друзей, обманулъ ихъ увѣреніемъ моего согласія! — Между сими горестными опасеніями дѣвушка, карепа на другой день спустилась въ прелестную долину, пересекаемую Басіентою на двѣ часпи, и вскорѣ оспановилась предъ великолѣпнымъ замкомъ, копорый владычествовалъ надо всей долиной, и гордо возвышался у подошвы сѣвернаго скапа горы.—

Незнакомецъ, соскочивъ съ лошади, отворилъ дверцы карепы и помогъ ей выпши. Я почиаю себя счастливымъ, сказалъ онъ, подавая ей руку, что могу ввести васъ въ мое жилище. Геліодора въ изумленіи взглянула на него. Ваше жилище?—Прошу васъ повелѣвать здѣсь по желанію; вашему мановенію все повинуется. Вы здѣсь найдете всякую удобность, и ежели во время пребыванія вашего будете

имѣшь хоть одну непріятную мину-
шу, по не меня въ помѣ обвинише.

Управитель замка поспѣшилъ къ
нимъ , и когда изгосовилъ онъ двѣ
изъ лучшихъ комнатъ съ прелестнымъ
видомъ , по господинъ ввелъ Геліодору
въ оныя. — Вамъ попребенъ покой , я
сей часъ поспараюсь о всемъ нуж-
номъ. Вы конечно хорошо сдѣлали ,
продожалъ онъ , указывая съ улыбкой
на ея нарядъ , обезопасивъ себя симъ
переодѣяніемъ ; но я былъ бы въ запру-
дненіи досжавишь вамъ обыкновенный
попребности , ежели бы не оспалась
здѣсь случайно часть гардероба моей
сеспры. Съ сими словами онъ удалил-
ся , оспавивъ Геліодору въ удивленіи.
Она совершенно не знала , что ду-
машь , ошвергала одну догадку за дру-
гою , пошому что ежеминутно про-
шивуръчащее обстоятельство ее опро-
вергало. Часто случается , когда и мы
мгновенно повергнушы въ непріятное

положеніе, по самое естественное изъясненіе не пришло ей на мысль. — Она рѣшилась открыться хозяину замка, и пребыть опять его великодушія возвратишь ее опять въ деревню, гдѣ отецъ имѣетъ нужду въ ней. — Но повѣришь ли онъ мнѣ? возражала она сама себѣ — измѣнишь ли обѣщанію, данному другу его? А можешь бышь онъ и за одно съ нимъ! Должна ли я открытъ ему судьбу свою, что бы онъ не почелъ ее вымысломъ! — Нѣтъ, я буду шептѣть, пока придетъ время моего освобожденія!

Между пѣмъ подали ужинъ. Вскорѣ попомъ вошелъ и незнакомецъ; за нимъ слѣдовала пресшарѣлая, хорошо одѣтая женщина, несущая нѣсколько бѣлыхъ одеждъ, упренныхъ плашьевъ и другихъ попребносшей. — Синьора, сказалъ онъ, вы найдете въ ней вѣрную прислужницу! а когда она удалась, онъ продолжалъ: я еще повшо-

ряю , сударыня , что ежели вы будете повелѣвать здѣсь по желанію вашему , то я почну сіе знакомъ , что я не совсѣмъ недоспоинъ вашего уваженія . Одно только можешь сдѣлать неприятнымъ на нѣсколько времени пребываніе ваше здѣсь , а именно то , что на первый случай не можешь прогуливаться внѣ замка . Вы сами чувствуете необходимость сей предосторожности , дабы избѣжать открытія ; я почти увѣренъ , что пошлюсь лазутчиковъ . Но , можешь быть , садъ , кошорый , какъ вы видите , не совсѣмъ обыкновенно расположенъ , замѣнитъ вамъ сіе лишеніе .

Сіи слова , сказанныя при прощаніи , возбудили въ Геліодоръ новыя успрашающія догадки , новыя сомнѣнія . — Какой пріязненный духъ освѣшилъ сей мракъ , спасетъ меня отъ сей напасти? вскричала она , удаляясь въ спальню . Одна съ своею горестью , она еще

нѣсколько времени не ложилась, но
вскорѣ приближился сонъ, наградилъ
ее за прежнес лишеніе, и сострада-
тельно утишилъ горестъ ея.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ясно восходило младое утро, и испребляло своимъ пламеннымъ щипомъ туманъ, волнующійся въ долину. Всѣ живые существа пришли въ движеніе и, казалось, радовались появленію дня, подобно просыпающемуся младенцу при видѣ любезной кормилицы; и отъ малѣйшаго цвѣпка до величественнаго дуба не было растѣнія, которое бы не благоухало, не журчало, не шелестило Вседержителю благодарственной упренней жерпвы.

Слеза Геліодоры была такая же благодарная жерпва, какъ и благоуханіе померанцевыхъ деревъ, возпарявшее къ ней.—Рано подошедъ къ окну и взирая на долину: Жизнь! воскликнула она, гдѣ и какъ ты обнаруживаешься любезное,

пріятное явленіе! Пипая сосцами цѣ-
 лый міръ, онъ весь исходитъ удовле-
 швореннымъ изъ своихъ объятій! А
 гдѣ твой излщный испочникъ изслк-
 нешь, памъ сила и всякое спремленіе
 уничтожены. — Дай и мѣ поконишься
 на груди твоей, и исполни радости и
 бодрости къ свершенію пупи, предле-
 жащаго мнѣ, да не возгласишь нико-
 гда мое сердце печальной пѣсни въ
 радостные гимны чадъ твоихъ.

На нѣсколько мгновеній потеряла
 она чувство своего положенія; теплое
 дуновеніе оживило ея сердце и обо-
 дрило плачущую. — Къ чему страхъ и
 негодованіе, сказала она ободряясь; что-
 бы ни случилось, чтоже можешь пере-
 мѣнишься въ судьбѣ моей? Или я спра-
 шусь опасности, превышающей силы
 мои? — О нѣтъ, когда силы мои ослабѣ-
 ютъ, только одинъ взоръ на прошедшее,
 одинъ взоръ на священнѣйшія воспомина-
 нія сердца — меня успокоятъ! а ежели

опягчить смущенный часъ , по взглядъ на сію улыбающуюся природу вѣрно развеселилъ меня. Кію испыталъ , какой сильный хранишель прекрасное прошедшее, согласился съ Геліодорой , и опъ души пожелаетъ ей совершеннаго счастья. —

Теперь осмошрѣла она внимательнѣе другую комнату, и нашла ее весьма покойно расположенною ; ей даже показалось, что со вчерашняго дня, гдѣ она ее вскользь видѣла , иное лучше переспавлено, многое прибавлено. Она бы не имѣла женскаго сердца, ежели бы сіе тонкое вниманіе дворянина не польстило ей. — Маленькой искусной работы стеклянный шкафъ стоялъ въ углубленіи на консоль, откуда казалось выпѣснилъ бюстъ. Отвернувъ его, нашла библіотеку, состоящую изъ образцовыхъ твореній Греческихъ и лучшихъ Италіанскихъ стихопворцевъ. Она испустила крикъ радостнаго удивленія , схватила Го-

мера , бросилась на софу пропивъ открытаго окна , и пресыщалась давно лишеннымъ наслажденіемъ. Брала одного послѣ другаго своихъ старыхъ знаменитыхъ друзей , и въ каждомъ числала тѣ мѣста , которыя всегда предпочитала , подобно какъ послѣ продолжительнаго отсутствія изъ любезной страны посѣщаютъ каждое мѣсто , священное какимъ нибудь пріятнымъ воспоминаніемъ.

Доселѣ предпочитала она искусства только дружественнымъ божествомъ , посѣщающимъ мирный духъ ; теперь показались они ей и соучастствующимъ другомъ , развеселяющимъ и вспревоженный духъ. Сердце ея укрѣплялось , и надежда на самое себя возраспала такъ , что ея мужеству каждая опасность казалась моловажною.

Возвращаясь къ своему Гомеру , ея соучастіе при прощаніи Гектора съ

Андромахою обращилось въ уныніе. Листы въ книгѣ на семь мѣстъ показывали слѣды частаго прикосновенія, даже слезъ показалось Геліодорѣ. — Гдѣ ты око плакавшее? гдѣ ты, сердце, чувствовавшее здѣсь подобно мнѣ? Гдѣ бы ты ни было, кшо бы ты ни былъ — привѣщствую тебя другъ и сесипра по сему чувству! Она продолжала читать, облегчивъ такимъ образомъ свое сердце, и, обративъ спранию, исписанный листъ представилъ ей взору. Почеркъ былъ знакомъ.—

На первой спраницѣ стояло: — Ты былъ слѣпъ, любезный пѣвецъ? — Пріятная поэзія! очи твои были закрыты для внѣшняго міра; дабы яснѣе зрѣть богатство внутренняго. Ты былъ слѣпъ, но умъ твой ясно и глубоко проникалъ святилище въ груди; кого шамъ угнетаетъ и перзаешь, шому ты всегда опытный другъ!

Вопль я всегда возвращаюсь, и скрываю свое угнетенное сердце въ швой сладоспный міръ, разве- селяю свои мрачныя мысли швоими челошкколюбивыми чувспвами, швоими невинными видами. —

Геліодора чшала съ предчувспвіемъ. Внизу было, какъ казалось, гораздо позже написано:

Что было моимъ несчастіемъ? То, что я безопасно ввѣрилась сердцу моему, предала его неоспорочно пріятнымъ чувспвамъ, усыплавшимъ его. Въ сладоспномъ упоеніи лишилось оно силъ своихъ, и уже ослабѣло, когда обманъ облекся въ голосъ друга. — О дѣвушка, коей сердце уже сильнѣе бьется, коей грудь воздымается неизвѣспнымъ желаніемъ, любезная дѣвушка! гдѣ бы ты ни была, не пошеряй себя въ сіе мгнове-

ніе! — Не вѣрь тому, кпо ль-
спипъ всегда пвоей любимой
склонности.

Ты ли эшо машушка? воскликнула
Геліодора, да эшо ты! О надобно,
чпобы поучительный гласъ пшой по-
всюду ко мнѣ взывалъ; чпобы сча-
спливый случай сохранилъ мнѣ слова
спраждающаго сердца пвоего!

Хозяинъ вошелъ. — Я радуюсь, на-
чалъ онъ, нашедъ васъ такъ рано,
безъ чего долженъ бы удалиться, не
сказавъ вамъ изъуспіно, сколько роп-
щу на судьбу, сдѣлавшую мнѣ необхо-
димоспью оставипъ васъ на нѣсколь-
ко дней. — Я вижу вы сами нашли
то, чпю я пришелъ указать вамъ.
Вы найдете опборное собраніе книгъ;
и я не могу довольно благодарипъ се-
спру свою, чпю она мнѣ и въ эпомъ
доставила возможность заняпъ васъ
пріятнымъ образомъ въ семь опдален-

номъ замкѣ. — Какъ имя сесприцы вашей? спросила Геліодора. Дворянинъ, котораго нѣсколько изумила опскривенность сего вопроса, помолчавъ съ минутою, отвѣчалъ: Я думаю, другъ мой не сказалъ вамъ и имени человека, ко-ему оказалъ шполь опличную довѣренность. Имя мое Францеско ди Шиппа; сеспра моя вдова Мархеца Піомбе. По смерти супруга своего жила она нѣсколько времени въ семь замкѣ, коего положеніе прельщало ее и копорый доспался мнѣ по наслѣдству отъ дяди нашего; а попомъ, нѣсколько мѣсяцевъ шому, опсправила въ Сицилію, опечество наше, посѣинишь спаршаго брата; но я полагаю, что милье родспвенники и любезное опечествонное небо навсегда удержашъ ее памъ. — Сію небольшую библиошеку собрала она еще въ юности; Греческія шворенія, думаю, подарокъ подруги, благородной дѣвушки, похищенной у опечества жестокой судьбой. Ее на-

зывали? воскликнула съ предчувствіемъ Геліодора. — Серена Монкади. — Геліодора спаралась скрыть свое смущеніе. — Вамъ извѣстно сіе имя? спросидь Францеско; да я вспомнилъ, что она имѣла счастье принадлежать къ вашему семейству. — Почему вамъ извѣстно. . . . развѣ вы знаете меня? Другъ мой ввѣрилъ мнѣ имя ваше, возразилъ дворянинъ, но будьте увѣрены, что, что я знаю, останешся скрыто въ груди моей; и я знаю долгъ свой не выведываешь того, чего не знаю. — Да что же вы знаете? За кого почитаете меня? — Я не знаю, сказалъ Францеско, одобряете ли вы, что другъ мой удостоилъ меня довѣренности своей; но щепотно размышляю, чѣмъ могъ заслужить вашу недовѣрчивость, обнаруживаемую вашимъ отрицаніемъ. Впрочемъ уважаю вашу скромность, хотя не понимаю ее.

Спаруха вошла съ завтракомъ, и

Францеско удалился. — Геліодоръ показалось, что онъ при прощаніи казался обиженнымъ; она не могла снести мысли, что, можетъ быть, обидѣла его безъ намѣренія, и хотѣла догнать его и изъясниться, какъ увидѣла его скачущаго вѣрхомъ изъ воротъ замка. Вежливо кланаясь, взглянулъ онъ на нее, и повѣхалъ вверхъ рѣки. — Спранный человекъ, думала она, чего онъ хочетъ? онъ кажется такъ добръ и благомыслящъ, а иногда онъ какъ будто не совсѣмъ честенъ. — Она вспомнила нѣкоторыя непонятныя выраженія въ послѣднемъ разговорѣ, и вообще находила нѣчто принужденное во всемъ его обращеніи, какъ бы спрашивался изъясненія, и избѣгалъ ея просьбы о помѣ. Она не знала, что ея обращеніе казалось этому дворянину столь же спраннымъ, и онъ часто приходилъ въ искушеніе, почестъ ея совершенное незнаніе обшояшельствъ за припворство, и

памь , гдѣ Геліодоръ казалось , что онъ избѣгалъ объясненія , единственно нѣжность , съ которою онъ входилъ въ ея положеніе , удерживала его просить ее объ ономъ.

Геліодора возвратилась опъ окна , и нашла старую Агашу—такъ называлась ея прислужница—перебирающую листы въ Греческихъ книгахъ.—Вѣдь это по-Гречески? спросила она ; да , да , я еще немного помню буквы. Когда я служила у Мархезы , то ея племянница часто бывала у насъ ; она такъ хорошо знала по-Гречески , какъ ни одинъ изъ господъ духовныхъ , и тогда то я часто видала такія книги. Хотя она и занималась языческимъ языкомъ — помилуй насъ пресвятая Богородица!—однако Монкади была любезная барышня. — Кто же была эша Мархеза? прервала ее Геліодора. — Ормонделли. — А племянницу звали Монкади? — Можешь быть Сереной? —

Точно, ее звали Серена, возразила Агаша, Мархеца была сестра отца ея. — Да, какъ я вспомню объ этомъ ужасномъ времени, когда бѣдспвіе сіе всю спрану привело въ препенъ — шакъ и теперь еще волосы спановяпся дыбомъ; и какъ морскіе разбойники схватили добрую барышню, и пошацили ее, а она на насъ шакъ горестно озиралась. Мы бѣжали на морской берегъ, барышня, я и маленькая единственная дочь Мархезы; мы искали барыню, а къ нашему несчастію надобно же было случиться, что Алжирцы шупъ приспали. Вотъ мы спояли на берегу, ломая руки, и маленькая Ангелика, которой тогда было около двухъ лѣтъ, плакала и кричала, когда корабль опплылъ съ любезной двоюродной сестрой. Ахъ! эта любезная дитя была привязана къ ней, да и она се всегда носила на рукахъ, когда бывала у насъ. Госпожа моя шакже много потеряла при семъ несчастіи, и вскорѣ

совсѣмъ переселилась въ Неаполь. Я не хотѣла оставитъ любезнаго опечесства, пока еще находила себѣ шамъ пропишаніе, но скоро и мнѣ спало худо, какъ я соспарилась; наконецъ должна была рѣшиться ѣхать къ брапу, кошорый живеть одну милю опсюда.

Геліодора радовалась неожиданнымъ объясненіямъ, и охотно бы узнала еще нѣкоторыя обспоятельствва; но Агата ничего болѣе не знала.

Оспавшись одна, Геліодора размышляла о новомъ положеніи, въ кошорое привело ее опкрытіе родспвенниковъ. Будущность, представлявшая доселѣ ея заботливости шолько ограниченную, зависимую жизнь, мгновенно прояснилась чрезъ союзъ съ споль блиспапельной фамилій, да и шеперешнее положеніе казалось ей уже не споль опаснымъ, ибо во всякомъ случаѣ могла надѣяться на покровишельство споль знаш-

ныхъ родственниковъ. — Зависимое, подчиненное сословіе наконецъ дѣлаетъ и пвердѣйшій умъ робкимъ, производитъ въ покойнѣйшемъ духѣ несогласіе, подвергая всегдашнимъ оскорбленіямъ священное чувство самодостоинства, и едва старыя раны закрываются, по причиняють новыя; напротивъ, когда наше физическое существованіе обезпечено, то и духовная жизнь наша дѣлается собственнѣе и самоспопелнѣе. — И у Геліодоры возвысилось чувство собственного своего достоинства; она развеселилась, и теперь впервые восхищалась пріятными окрестностями. Со вкусомъ и великолѣпіемъ убранныя покои ея казались еще за нѣсколько часовъ язвительной насмѣшкой ея участи, а теперь прохаживалась по онымъ, разсматривая съ участіемъ каждый уголокъ и ищательно сдувая пыль съ мраморной опдѣлки камина.

О независпный случай, — воскликнула она прохаживаясь — испорщій мени споль жестокимъ образомъ изъ круга любезныхъ родныхъ, въ коемъ уже находилась невѣдомо. Безъ него, бапюшка, ты бы, можешъ бышь, давно былъ перенесенъ изъ пѣснаго жилища въ одну изъ свѣпныхъ палапъ, и вѣрно бы скоро оправился при попеченіи споль многихъ любезныхъ рукъ. — О бапюшка, гдѣ ты? — Въ сихъ мучительныхъ воспоминаніяхъ вдругъ пришла ей мысль убѣдяшь въ свою пользу спарую Агапу, и съ помощію ея убѣжать еще до возвращенія Францеска; но сколь шрудна казалась ей сія, при почнѣйшемъ изслѣдованіи, споль же нравилась другая, писать къ своей Ангеликѣ, и, не медля, исполнила оную. — Образъ сей родспвенницы являлся душѣ ея съ пріятносцію; она мгновенно вспомнила о голосахъ, слышанныхъ въ вилѣ Ормонделли, и была увѣрена, что женскій принадлежалъ ея

Ангеликѣ ; вспомнила слова Беаты , и участь несчастнаго друга сильно пронула душу ея . Она написала :

Ангелика , я не видала тебя , такъ какъ видѣла прочихъ , но была близъ тебя , слышала звукъ твоего голоса , и сердце мое потчасъ къ тебѣ приклонилось . Тогда не знала я , что иное меня къ тебѣ влекло , какъ то , что слышала , что ты несчастна ; — но теперь знаю , что еще — ты была также любезна бѣдной Серенѣ Монкади ; она качивала тебя на рукахъ своихъ , и ты плакала , когда злые люди увлекали любезную сестру . — Серена была мать моя . Она и меня качала на рукахъ своихъ , и я плакала , когда глаза ея на вѣкъ сомкнулись . — Ангелика , не шрепещешь ли сердце твое ? Не влечешь ли его ко мнѣ ? Ахъ ! съ тѣхъ поръ какъ

знаю, сколь близка ты мнѣ, ясный солнечный лучъ озарилъ мрачную жизнь мою, заботы удалились отъ главы моей, а сердце мое исполнено безпокойства, пока не успокоится на груди твоей, и облегчишь слезами горестъ, удручающую его. — Я ношу тебя въ сердце, Ангелика, и представляю себѣ образъ твой — О ты вѣрно походишь на изображеніе, покоящееся въ душѣ моей! Я все спою предъ нимъ и украшаю его, смотрю въ большіе голубые глаза, обвиваю темные локоны около пальцевъ. Я думаю, ты предстала мнѣ во снѣ. Или ты была это, да это была ты, которая бросилась въ споловую. — Но глаза твои мутны, глава популена — не правда ли, Ангелика? Ибо ты несчастна. — Ты не смѣешь любить возлюбленнаго, а должна любить того, кого не любишь. И я не-

счастлива, но ты можешь спасти меня. Они меня похитили, держа въ плѣну. Ахъ! бѣдный отецъ мой болѣнь, можешь быть при послѣднемъ дыханіи, а дочь его не можешь пещись о немъ.—Я вечеромъ, въ день свадьбы швоей, была въ замкѣ, и пѣла въ освѣщенной споловой. Вдругъ раздалось: Разбойники! Разбойники! и я съ другими побѣжала. Закупанный человекъ схватилъ меня въ кушарникъ и увлекъ. — А знаешь ли, кто это сдѣлалъ? На канунъ, вечеромъ спала я на морскомъ берегу, на дорогѣ къ швоему замку; кто-то прошелъ мимо, и положилъ мнѣ на грудь розу изъ шѣхъ, что произрастающъ изъ бѣлыхъ развалинъ, далѣе у моря лежащихъ. Это вѣрно онъ сдѣлалъ! — Ангелика, другъ, родственница, спѣши въ домъ садовника Лорензо, пошпи шамъ отца моего, и будь ему

пѣмъ , чѣмъ судьба мнѣ воспре-
 щаетъ быль. А меня спаси , ис-
 хишь ошъ погибели; ибо для че-
 го похишили меня? вѣрно, что
 бы я его полюбила? О спаси, спа-
 си свою Геліодору, пока они ее не
 погубили! швой супругъ силенъ ;
 или попроси своего Ринальда , да
 попроси его , чшобы онъ меня ос-
 вободилъ ошъ опасности! — А
 пошомъ къ тебѣ! Я имѣю доста-
 вить тебѣ нѣчто, Ангелика, дра-
 гоцѣнный подарокъ моей машуш-
 ки; но никому, никому кромѣ те-
 бя. Онъ теперъ оставилъ меня —
 я одна. Чего хочешъ эшопъ че-
 ловѣкъ? онъ все извиваетъся и из-
 бѣгаетъ меня , когда я его не по-
 нимаю ; и однакожь видишь
 страхъ мой. Добръ ли онъ? —

Агаша согласилась ошправить пись-
 мо. Она хотѣла ошнести его къ сво-

ему брату, который доставилъ въ Попенцу на почту.

Геліодора опять поспавила на свои мѣста Греческихъ авторовъ, которыхъ съ такимъ жаромъ привѣтствовала. Одинъ Гомеръ оспался на ея сполікѣ: эта книга сдѣлалась ей такъ любезна, ея мать осязала, освятила ее своими слезами; она уже думала какъ выпроситъ ее у Францеско. Разсматривая оспальные книги въ шкафу, Италіанскіе стихотворцы бросились ей въ глаза. Она уже знала опчаси Тасса чрезъ свою мать. Сколь ни привлекали ее пріятный размѣръ римъ и гармонія языка его, но она не могла полюбитъ сей поэмы. Ея умъ, привыкшій къ совершеннымъ видамъ древности, могъ находить удовольствіе только въ легкихъ обозрѣніяхъ хорошо обработаннаго цѣлаго, въ самостоятельномъ произведеніи искусства. Ничего подобнаго не взывало

пріятно къ ней изъ спихошвореній Тасса, и она бы охотно все цѣлое опдала за нѣкоторыя изъ славныхъ эпизодъ. — Христіанская Мифологія, казалась ей пакъ холодна и мертва; дѣло, за которое Герои изшощали свои силы, казалось единственно основаннымъ на мнѣніи; а война мнѣіевъ казалась ей весьма неблагопріятнымъ предметомъ для искусственнаго обработанія. Когда она возвращалась изъ живаго міра боговъ и человѣковъ своего Гомера, гдѣ сердце и спраспи воспламеняли героевъ, о сколь хладны и бездушны казались ей тогда рыцари Святаго Гроба. —

И теперь когда Эрминія, Танкредъ и Клоринда ее крайне разстрогали, она положила книгу, и взяла ея сосѣда Аріоспа, коего прославляемое имя только знала. Уже первые страницы привлекли ее, и чѣмъ далѣе слѣдовала волшебному гласу, тѣмъ сильнѣе была очарована.

Новый міръ, открывавшійся ей, хоша и былъ незнакомъ, но съ нимъ скоро знакомилась и начинали любить его. Живая шенлонна онаго пріятно возбуждала ея душу; а чудесныя явленія, движущіяся въ нѣжномъ воздухѣ, тихо колебали воображеніе въ благоуханіи цвѣтовъ. — Она совершенно предалась упоенію; веселость и нѣга, никогда еще не ощущенныя, проникли въ грудь ея и опверали ее каждому сошвѣтствующему впечатлѣнію. Она сошла въ садъ, прогуливалась съ своимъ новымъ другомъ подъ цвѣтущими Агруми, и радовалась неизъяснимо сладостному соспоянію своему. Она пребыла тамъ, доколѣ вечеръ своими позлащенными крыльями носился около ея локоновъ; по чила новую пѣснь, по спаралась выразить звуками люшнн соспояніе души своей.

Солнце уже спустилось за горы, и пріятно освѣщало западное опвершіе

долины. Геліодора сидѣла въ углубленіи аллеи на дерновой скамьѣ; предавшись совершенно своимъ мѣчпамъ, обратилась спиною ко входу, прислонясь къ нависшему цедрату, и звуки спрунь ея исчезая умирали. Ангелика! вскричалъ вдругъ за нею тотъ звучный голосъ, который еще не утѣхъ въ сердцѣ ея, и прежде нежели она могла оглянуться, была въ объятіяхъ незнакомаго юноши.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Книо самъ никогда не испыталъ подобныхъ минутъ въ жизни, гдѣ прошивуположнѣйшія впечатлѣнія, смѣняя другъ друга, съ быспропой молніи пробѣгають душу; но всегда переходилъ постепенно отъ одного ощущенія къ прошивуположному, шопъ шолько въ половину можешь понять положеніе, въ коемъ находилась Геліодора и незнакомецъ. А хопя онъ и никогда не находился въ подобномъ волненіи, но все легко поймешь, что сія минута, по крайней мѣрѣ на Геліодору, должна была подѣйствовать весьма рѣшишельно. —

Послѣ первыхъ безмолвныхъ секундъ; происшедшихъ опть воспорга юноши, почитавшаго себя у цѣли спрасшныхъ желаній своихъ, и удивленія и спрахадѣвушки, вдругъ какъ бы волшебнымъ ударомъ, его блаженная мечта разрушилась, а ея чувство спраху умножилось. Онъ мнилъ прижимашь къ щоскующему сердцу свою возлюбленную, а послѣ упоенія воспорга находишь себя на колѣняхъ предъ незнакомой дѣвушкой, коей первой видѣ, нѣскольکو дней шому назадъ, его шакъ поразилъ; гдѣ онъ былъ обманушь въ явномъ желаніи, шамъ исполнилось шайное, шполь же драгоценное, въ коемъ едва сознавался. — Геліодора сидѣла счастлива въ мечшахъ своихъ, съ опвершымъ сердцемъ, съ свободнымъ духомъ, когда онъ предъ нее повергся — онъ былъ прекрасенъ, эшо могла она замѣшшь, не взирая на спрахъ нечаянности. Успрашающее чувство ея положенія возобновилось, но въ шожѣ

мгновеніе восклицаніе незнакомца и звукъ его голоса озарили мракъ ея опасеній.

Въ смущеніи и удивленіи опшклонил-ся онъ назадъ, когда видъ Геліодоры вывелъ его изъ заблужденія, въ ко-пое вверженъ былъ вечернимъ сумра-комъ. Восклицаніе удивленія замерло на губахъ его. — Вспаньше, сказала дѣвушка, чего хопище опць меня? Незнакомецъ, пришедъ скоро въ себя, возразилъ: — Оспавъше меня шамъ, гдѣ я мнилъ, преклонилъ колѣна пе-редъ смершною, мнѣ мечшается что-то досшойное обожанія. — Вы ли, спро-сила Геліодора вспавая, велѣли опшпор-гнушь меня опць ложа умирающаго опца? опдалили опць прекраснѣйшихъ сношеній? Чѣмъ могла я васъ оби-дѣшь, что вы споль невеликодушню возмутили ограниченное счаспіе мое? Прекрасная чужеземка, опвѣчалъ онъ, я не знаю какой странностию пре-

вращнаго случая сіе злосчастіе вамъ угѣшовано; я совершенно невиненъ. — О вы меня не увѣрите, что здѣсь располагалъ случай! я должна думать, что соспавлены козни для моей гибели, пока вы не оправдаетесь. — Я это сдѣлаю, возразилъ незнакомецъ, предъ вами менѣе всѣхъ желаю казаться виновнымъ или подозрительнымъ. Ежели вы мнѣ сообщите подробнѣе обстоятельство, приведшія васъ сюда, то замешательство навѣрно разъяснится. — Геліодора рассказала ему, что мы уже знаемъ; а онъ увѣдомилъ ее о своихъ сношеніяхъ сколько нужно было, дабы объяснить сей случай. Но такъ какъ онъ рассказывалъ не весьма подробно, а какъ увѣдомляющъ о подобныхъ случаяхъ, дѣвушку, для которой не желаютъ опасаться равнодушнымъ, то мы сообщимъ чинамъ, не имѣющему сихъ корысполюбивыхъ видовъ, все безъ утайки.

Ринальдо Хіаронди былъ молодой живописецъ изъ Ломбардіи. Рано оставилъ онъ свое отечество, и пошелъ съ большею часпю, олтцовскаго наслѣдства въ Римъ, чшобъ достигнуть совершенства, коего сильно домогалась душа его, подѣ величественными пѣнями прошедшаго, представлявшагося ему шамъ повсюду. — Уже первые опыты его юношеской силы въ исторической и ландшафтной живописи предвѣщали мастерскія произведенія въ первомъ, и хорошіе образцы въ другомъ родѣ; оригинальность и нѣжнѣйшее знаніе черты прекраснаго повсюду. — Подобно прославленному Рафаэлу, и благороднымъ его послѣдователямъ, Ринальдо надѣялся вѣрнѣе достигнуть желанной цѣли изученіемъ древности. Проведши нѣсколько лѣтъ въ Римъ въ возвышающемъ разсмап-риваніи изящнаго, и созрѣвъ къ собственному совершенству, объѣхалъ часть сѣверной Италіи и не оставилъ

безъ посѣщенія ни одного мѣста, куда призывало его какое либо изящное произведеніе искусства. Въ Венеціи сѣлъ онъ на корабль, чтобы предпринять благочесливое путешествіе въ священной могилѣ искусства. Здѣсь на развалинахъ Аѳинъ воспоминалъ онъ съ благодарностию славу и дѣятельность Елминовъ, и, прошедъ большую часть ихъ страны, отправился чрезъ Сицилію, гдѣ останки Агригента, Сегеста и Селина — представляли ему высокіе памятники здешняго, въ Неаполь. Тамъ природа и искусство образовали для него столь изобильный міръ, что онъ на время остановилъ здѣсь свои странствованія. Но предствленіе сей превосходной страны такъ привлекли его къ живописи ландшафтовъ, что онъ иногда нерадѣлъ о томъ поприщѣ, на коемъ дарованія его наиболее открывались, однако онъ упрочилъ себѣ независимую будущность, совершивъ нѣсколько изящныхъ

произведеній во время своего шунъ пребыванія. Между оными находилъ умирающій Эпаминондъ ; славный памятникъ его творческой любви. Мысль сія пришла ему въ Римъ при чтеніи Плушарха , и онъ собралъ уже многіе чертежи къ оной ; но когда въ послѣдствіи вступилъ на священную землю, гдѣ дѣйствовали великіе люди древности, она сдѣлалась господствующею, и шепчаеъ по прибытіи въ Неаполь принялся за исполненіе оной. Это было простое, обдуманное сочиненіе, доспойное своего предмета. Онъ выразилъ ту минушу, когда вѣстникъ побѣды входилъ, и Эпаминондъ съ высокимъ чувствомъ безмерна вынимаетъ стрѣлу изъ раны. — Видъ героя былъ божественъ. Съ перваго взгляда видно было, что только высокая мысль наполняла душу его, кощорая при сдачѣ города внушила умирающему герою слова: „Сей день не есть конецъ моей жизни, нѣтъ! съ

нимъ начинаеся только мое счастье; онъ довершитъ славу мою! « —

Въ концѣ прехлѣшняго пребыванія въ Неаполь, онъ познакомился съ молодымъ дворяниномъ, спрашнымъ лкбиселемъ искусствъ, который, получивъ богатое наследство, приготовлялся къ путешествію въ Египеть, Грецію и большую часть Азіи. Онъ безъ пруда уговорилъ Ринальда соуписованъ ему; и видъ развалинъ Балбека и Палмиры, подтвержденіе нѣкоторыхъ догадокъ на счетъ испорчи искусствъ, вообще хода образованія, полученныхъ имъ въ Азіи, — съ избыткомъ его вознаградили. — По возвращеніи въ Неаполь, онъ предпочинпаль бесѣду своего соповарища въ путешествіи, коего мы уже знаемъ подъ именемъ Францеско. А сей все приобрѣтпаль основательнѣйшія знанія въ обхожденіи съ мыслящимъ художникомъ, и оба соспавили около себя кругъ об-

разованныхъ людей, въ коемъ всѣ про-
 вождали славную жизнь, и каждый въ
 номъ, что ему было драгоценнымъ и
 высокимъ, поспѣшнѣ спремился къ
 цѣли. Въ груди каждаго волновалась
 юношеская сила; всѣ были вдохновен-
 ны и каждый пламенѣлъ къ возлюблен-
 ному предмету своего ума,—и шакъ
 еспешвенно, чпо иное пиршество,
 начавшееся скромнымъ возліаніемъ Му-
 замъ и Граціямъ, оканчивалось буй-
 сивенными восклицаніями. По оконча-
 нии одного такога ночнаго пиршества
 въ одной Виллѣ при Пудольской доро-
 гѣ, Ринальдо возвращался въ сопровож-
 деніи Францеско и еще одного друга.
 Предметомъ ихъ явиваго разговора бы-
 ла любовь и всякое чувство лучшаго
 бытія нашего. Ринальдо былъ необык-
 новенно разгоряченъ. — И шакъ небы-
 можно вѣрнѣ, спросилъ Францеско,
 подходя къ саду загороднаго домика въ
 предмѣстіи Хіая, — ты еще никогда
 не любилъ? Никогда, возразилъ Риналь-

до, ежели мы согласны въ томъ, что естъ любовь. — Сколь же будешь достойна зависи на счастливая, копорая вѣкогда наложишь оковы на сіе необузданное сердце! сказала Антонию, другой поваришь его. — Этого я не знаю, отвѣчалъ онъ. Но, продолжалъ, основываясь и схвативъ съ жаромъ руки друзей — она найдеть въ груди моею подношу любви и вѣрности; благороднѣйшими силами обовьюсь около души ея, и съ той минушы, когда сердца наши узнають другъ друга, все мои надежды предаю дружескому попеченію. Однакожь, кончилъ онъ хладнокровнѣе, такъ я уже давно мечтаю, и видно всегда буду только мечтать. При долговременномъ обхожденіи съ женщинами, я не находилъ повода увѣриться въ безконечномъ сокровищѣ любящихъ чувствъ, кои онъ себя иногда приписываютъ. — И такъ сіе желаніе не должно никогда удовлетвориться, спросилъ Франце-

ско, уже ли никогда изящное, небесное существо не сораздѣлишь совершенно чувства, воздымающаго споль могущественно грудь нашу? — О, я нѣкогда надѣлся, но уже отказался! — Но что же принуждаетъ тебя отказаться, возразилъ пошъ, доколь еще свободная юношеская душа движется? Почему же не найдешь, ежели еще не нашель? Ты, можешь быть, часно обманывался, и еще будешь обманываться, пока не найдешь пойдѣвушки; о! она должна найпись, ежели не введешь въ заблужденіе чувствъ своихъ.

Нѣсколько времени послѣ сего пиршества, Ринальдо находился съ двумя молодыми живописцами, прибывшими изъ Рима, въ Капо-ди-Монте, и разсматривалъ Фарнезскую карпинную галерею, которую уже давно не посѣщалъ. Они стояли передъ превосходной картиной: Ринальдо былъ восхищенъ оною; онъ изъяснялъ ее друзьямъ, и рѣчь его

сдѣлалась стихотворческою. Молодая особа, споявшая съ преспарълой женщиной не подалеку отъ нихъ, въ помъ же ряду, передъ ландшафтомъ Салвалперъ Розы, посмапривала - со вниманіемъ на вдохновеннаго, и когда прошла мимо ихъ съ проводницею своею, то Ринальдо увидѣлъ лице и спанъ, ошвлекшіе его вдохновеніе отъ искусства къ живымъ прелеспямъ природы. — Какая дѣвушка! воскликнулъ онъ, провожая ее глазами, пока онъ вышли изъ галлерей — всемогущіе боги! кто она шакова? Одинъ изъ друзей его думалъ, что она изъ Неаполя, ибо видѣлъ ее нѣсколько разъ молящуюся съ благоговеніемъ въ церквѣ Сантъ-Хіара. О, она небесное швореніе, продолжалъ Ринальдо, видѣли ли вы глаза ея, когда она ихъ подняла? а сей парящій профиль? Сіи движенія, какъ будто во всякомъ душа ея соучаспвовала? — Послѣ сего щщепно другъ нашъ посѣщаль, въ продолженіи нѣсколькихъ

недѣль всѣ церкви Неаполя, и ни въ одной не нашелъ любезнаго предмета; наконецъ время мало по малу изгладило глубокое впечатлѣніе, полученное въ карпинной галлерей. Онъ опять сдѣлался живъ и веселъ съ друзьями, и почти совсѣмъ забылъ свою незнакомку въ разсыянности веселой жизни.

Хотя Ринальдо слишкомъ гордился своимъ искусствомъ и чувствовалъ свое достоинство, чтобы работать по заказу и отдавать въ наймы свое знаніе; но иногда опступалъ отъ сего правила, въ угожденіе друзьямъ своимъ, или когда могъ чрезъ по войши въ новыя лествыя связи. Друзья его знали это, и попому никогда не опшгощали предложеніями, съ коими многіе къ нимъ опносились, выключая когда въ самомъ дѣлѣ чрезъ сіе могло начаться пріятное знакомство.

Послушай! сказалъ однажды одинъ

изъ его друзей , одна госпожа ищетъ живописца , который бы написалъ ей картину , но предметъ она сама же-даеть назначить. — Однакожь не я буду онымъ, прервалъ Ринальдо, смер-пелный врагъ всѣхъ шаковыхъ само-назначаемыхъ предметовъ. — Именно ты! возразилъ шощъ , ибо знай , что сія дама имѣеть весьма прекрасную и остроумную дочь. — Съ тѣхъ поръ какъ Ринальдо видѣлъ незнакомку, онъ чувствовалъ великую склонность къ любовнымъ приключеніямъ , и даже иногда спарался войти въ оныя. — Поведи меня шуда, сказалъ онъ другу, не размышляя болѣе. Онъ повелъ его къ Мархезѣ Ормонделли, которая приняла художника съ великимъ ошличіемъ. Онъ увидѣлъ дочь ея Ангелику : это была незнакомка , причинившая его сердцу шолько сладоспныхъ заботъ. Оба узнали другъ друга съ едва скры-ваемымъ смущеніемъ.

Я хочу забыть свой полъ, сказала улыбаясь Мархеца, и благодарить васъ сердечно, что вы исполнили мою просьбу, хотя и вижу, что надъ вами дружба болѣе дѣйствовала, нежели учтивость. — Извините, Милостивая Государыня, причины, управляющія нашими поступками, часто бываютъ слѣдствіемъ какого нибудь быспропромчавшагося но глубокаго впечатлѣнія, намъ самимъ споль темнаго и внезапнаго, что другой шѣмъ легче можешь въ немъ ошибиться—возразилъ Ринальдо значительна, и съ бѣглымъ взглядомъ на Ангелику.—Между всѣми возможными побудительными причинами, я менѣе всѣхъ могла считать сію, не имѣя чести знать васъ. Ибо сія всеобъемлющая учтивость есть такое чувство, котораго по истинѣ женщины не должны бы требовать, на которое по крайней мѣрѣ не могутъ доказать законнаго права, или такого, которое можешь льстить имъ.

А потому я и должна была испросить помощь вашего друга, продолжала Мархеца, коль хотѣла достигнуть желанія своего видѣть мысль мою, исполненную вами.

Теперь обратились на предметъ желаемой картины, и онъ былъ ничто иное какъ похищеніе племянницы ея Серены. Разказавъ художнику всѣ обстоятельства происшествія, она присоветовала: Я легко вѣрю, а объ васъ шочно знаю, чшо художникъ, чувствующій себя, не терпитъ въ своемъ твореніи чужой власти; но я и не думаю, шѣмъ чшо вамъ сказала, назначить путь вашему воображенію; моя мысль имѣетъ только подчиненное достоинство декораціи, къ самостоятельному произведенію, долженствующему возникнуть изъ вашего ума. — Мархеца желала нѣкопорого сходства въ лицахъ и мѣстоположеніи, потому чшо картина, представляя

судьбу столь любезной особы, презъ по сдѣлалась бы занимательнѣе для всѣхъ родственниковъ ; но она сама видѣла затрудненіе. Что касается до мѣспоположенія, сказалъ Ринальдо, по случай въ томъ способствоваль ; ибо я снялъ уже на мѣспѣ прекраснѣйшія части Сицилійскаго берега , и самое означенное мѣспо. — Хотя Мархеца имѣла изображеніе главнаго лица ; но оно было списано въ юности и не весьма сходно. А въ моей дочери , сказала она, того и недостаетъ , что намъ въ племянницѣ столь не благопріятно ; и трудно было бы изобразить сіи усовершенствованныя черты въ шестнадцать лѣтъ моложе. — Однако не невозможно достигнуть нѣкотораго сходства, думалъ художникъ ; ибо сколько бы не перемѣнились наши черты отъ вѣшнихъ обстоятельствъ , а наипаче отъ образованія внутренняго челоука, то главная черта фізіономіи, которую часто мож-

но различить уже въ нѣжномъ младенческомъ лицѣ, никогда совершенно не изгладится. — Но сударыня, ска- залъ онъ обращаясь къ Ангеликѣ, я долженъ напередъ просить прощенья за несправедливость, которую вамъ шѣмъ причиню.

Ринальдо зрѣлъ передъ собою пре- краснѣйшую будущность. — И тща- тельно старался продлить предпри- нятую работу; а когда послѣ двухъ дней, проведенныхъ почти безпрерыв- но въ обществѣ Ангелики, не могъ уже имѣть благовиднаго предлога продол- жать работу въ домъ Маркесы, то еще немного начертилъ на полотно. Для обоихъ сіи минуты были неска- занно счастливы. Цѣлые часы просижи- валъ онъ съ карандашемъ въ рукѣ, и на- слаждался сладостнымъ правомъ блуж- даясь укореннымъ взоромъ по милосердно- му лицу дѣвицы, занимавшейся обыкно- венно не далеко отъ ея сына жен-

скимъ руководѣлемъ. — Застѣнчивость перваго знакомства мало по малу исчезала, и оба получили довольно смѣлости къ свободному разговору, въ которомъ она обнаружила образованный умъ и превосходное глубокое чувство. — Послѣ сихъ счастливыхъ дней, въ кои спростъ Ринальдо возрела до высокой степени, и гдѣ часно только безпрестанное присутствіе матери принуждало его удерживать изліяніе распроганнаго сердца; послѣ сихъ споль скоро протекшихъ дней, онъ долго не могъ приняться за работу. Безпрестанно занимался возлюбленною, онъ только думалъ о средствахъ поговорить съ нею наединѣ; ходилъ около ея дома, дабы получить легкой знакъ воспоминанія или благосклонности, и тогда только помышлялъ съ удовольствіемъ и вниманіемъ о своей работѣ, когда удавалось ее увидѣть. Когда наконецъ желаніе жить опять близь нее его поощрило, онъ окончилъ кар-

тину, которую все признавали за удачнейшій трудъ художника, въ крайнее время, нежели когда либо совершалъ столь значительную работу. Ландшафтъ былъ прекраснѣйшее, что Ринальдо въ семь родъ производилъ; лица диллани и похищаемой, особенно голова послѣдней были мастерскія произведенія въ опношеніи вида и разительнаго выраженія.

Отославъ картину къ Мархезъ, и, вскорѣ пришедъ самъ шуда, нашелъ онъ свою работу поставленную въ большой комнатѣ, а мать и дочь, какъ бы въ глубокомъ благоговеніи предъ нею. — Съ тонкостію опивчалъ онъ на лестныя похвалы, и шѣмъ доказалъ, что ничто такъ легко не обнаруживаетъ человека образованнаго, какъ то, какимъ кшо образомъ ихъ принимаетъ. — Произведеніе искусства, сказалъ онъ въ общемъ разговорѣ — есть совершенно по-

рожденіе инаго свѣта, пошому и можетъ бытъ доспойно награждено только чѣмъ либо идеальнымъ, одобреніемъ знапоковъ и похвалою попомства. Художникъ сражается, подобно Олимпійскому побѣди-телю, только за честь; вѣнокъ изъ ма-сличныхъ вѣпвей опличалъ его между современниками, а на крыльяхъ Пинда-ровой пѣсни перелеталъ онъ къ без-смертію. — Попомъ оспался онъ на короткое время одинъ съ Ангеликой. По минушномъ молчаніи, указавъ на дѣтя, сказалъ, не показываешь ли вамъ сіе изображеніе, сколько шруда спшодло художнику удалитъ настоящій образъ вашъ изъ мыслей? и мнѣ ка-жется оно еще слишкомъ удержало сей видъ. — Однакожь машушка гово-ришь, что оно очень похоже на шо, что я была въ младенчествѣ, опвѣча-ла Ангелика, съ видомъ будшо не по-нимаетъ мысли его. — Но знаете ли, продолжалъ онъ, что при сей работѣ, стараясь предсавитъ себѣ ваши дѣт-

скія черпны, я узналъ всю исторію
вашего сердца? — Но знаніе ваше не
могло бытъ основательно, ибо вы не
знали источниковъ оной. — Конечно,
возразилъ онъ, не зная совершенно
произшествій, мнѣ должно было при-
бѣгать къ предположеніямъ. Но въ
новѣйшей Исторіи, которая для меня
всегда самая занимательная, я и съ
ними не могъ ничего узнать, и оспал-
ся въ ней совершенно незнакомъ. — И
такъ, сказала она, самонадѣянность,
съ кою вы изслѣдовали ранніе періо-
ды, васъ тупь совершенно оспавила? —
О сударыня, самонадѣянность не до-
статочна въ такомъ изслѣдованіи:
когда не смѣешь и мыслишь о дѣлѣ,
тогда оно становится мучительнѣй-
шимъ занятіемъ. — Онъ схватилъ ру-
ку дѣвицы, съ жаромъ прижалъ ее къ
губамъ и воскликнулъ: Ангелика! рѣ-
шите мои унованія! — Онъ гошовъ
былъ бросился къ ногамъ ея, но
возвращеніе мащери помѣшало имъ. А

опвѣсть, кошорый Ангелика хотѣла сказаць, онъ послѣ ясно могъ чипашь въ ея взорахъ, когда они иногда съ жаромъ привѣщствовали его ищущіе глаза. При прощаніи онъ еще разъ обратился къ ней съ вопросомъ: Могу ли я окончишь *какъ желаю* историческій предметъ, о коемъ вамъ разсказывалъ? — Ежели мащерьъ желаетъ знашь мое мнѣніе, опвѣчала дѣвица, шо долженъ полько увеличитъ надежду на самага себя, и предчувствовашь шамъ, гдѣ еще не ясно видишь.

Въ воспоргъ своего сердца Ринальдо повпорялъ: Она любишь меня! Она любишь меня! и она его любила; уже давно любила. Она съ своей мащерью нѣсколько дней проводила у пріятельницы въ Хіайѣ, и въ шо время, когда Ринальдо съ своими провожаемыми проходилъ мимо, была въ ближней бесѣдкѣ сада. Въ послѣдствіи часто разсказывала ему сіе, и до шѣхъ норъ мучи-

ла сомнѣвавшася , пока онъ въ ея объятіяхъ охотно признался , что его прежняя великая надежда теперь превосходно исполнилась. — Въ Капо - ди Монши она его тотчасъ узнала по его вдохновенной рѣчи , и съ тѣхъ поръ образъ его покоился въ сердцѣ ея.

Теперь Ринальдо имѣлъ свободный доступъ въ домъ Мархезы. Маленькое ошборное собраніе картинъ , соспоявшее большею частію изъ Ландшафтовъ Нидерландскихъ и Французскихъ мастеровъ , между коими находились превосходныя и рѣдкія картины Вувермана , Берхема , Сванefeldа и Пуссеня , привлекавшія все вниманіе художника , должно было служить предлогомъ частымъ посѣщеніямъ его , и даже оправдывало ихъ въ глазахъ Мархезы , которая сама собрала всѣ сіи картины во время путешествія во Францію , и ей было весьма льстиво ;

когда Ринальдо испросилъ позволеніе вельшь вырѣзатьъ на мѣди главныя каршины ея кабинета.

Положеніе любящихся сдѣлалось самое нѣжное, искренное, когда Ангелика лишилась матери, и для благоприспѣянности должна была перейти жить въ домъ родственника, сдѣлавшагося ея опекуномъ. Такъ какъ Ринальдо не зналъ его, да и сей человекъ не имѣлъ приличнаго образа мыслей о приспѣянности и истинномъ благородствѣ, по счастию его было возмущено, и онъ только иногда украдкою могъ видѣть возлюбленную, а рѣдко поговорить съ нею мимоходомъ. — Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти матери ея, ужасная молва, что Ангелика невѣста Принца Гвидо Бонари, достигла до ушей его. Онъ противорѣчилъ, ибо зналъ, что при жизни Мархезы оба семейства были въ несогласіи; пока наконецъ Ангелика уведомила его, что ее при-

нудящъ къ сему союзу, и она сдѣлаепся жертвою обстоятельствъ. Состояніе, въ кое повергла его сія увѣренность, было ужасно, и друзья его съ трудомъ могли удержашъ ошъ насильственныхъ мѣръ. Онъ желалъ шолько поговорить съ любезною; и сколь трудно ни было сіе, но случай счастливо способствовалъ въ шомъ. Гвидо желалъ имѣть портретъ своей невѣсты; одинъ изъ его друзей, знавшій также и Ринальдо, просилъ его взять сіе на себя; а онъ, копорый бы ни подъ какимъ видомъ не согласился на такую, по его мнѣнію, унизительную для художника работу, шеперь, ни мало не медля, велѣлъ себя предшавить Принцу, и былъ имъ опведенъ къ возлюбленной. — Какую перемѣну нашель онъ въ Ангеликѣ! На прекрасномъ лицѣ изображалось сильнѣйшее спраданіе, впалые глаза были заплаканы. Нечаянное явленіе друга шакъ сильно пошисповало на нее, чшо она едва могла

припши въ себя опть сего пораженія. Хошя Принць всегда приходилъ и уходилъ съ Рицальдомъ , однакожь въ продолженіе прехъ дней , въ кошорые занимался изображеніемъ , былъ нѣскольکو часовъ надинъ съ любезной дѣвицей. Сколь различны были они опть шѣхъ счастливыхъ часовъ , когда онъ въ первый разъ сидѣлъ 'противъ прелестной , и глубоко впечатлѣвалъ въ сердце пріятныя ея черты. — Съ рѣдкой швердостію духа рѣшилась она исполнить волю родшвенниковъ , и для примиренія двухъ семействъ принести въ жерпву лучшія надежды свои. Ангелика была благочеспива , и до мечпательности набожна ; опекунъ привлекъ ея духовника на свою спору , кошорый представилъ ей споль блиспательно все достоинство таковоѣ жерпвы примиренія , чшо она и сама почла ее великою , и почши сообразною съ должностію. А невозможность соединиться съ возлюбленнымъ ,

или соединишься бѣгствомъ и насильственными средствами, произвела чувство необходимаго отреченія.

Когда Ринальдо такъ внезапно ее увидѣлъ, она занята была писаніемъ къ нему, чшобъ успокоить возмущенное сердце его, съ просьбою сносишь спокойно жестокую участь и забыть ее. Теперь говорила она ему все это въ краткія минуты, доставляемыя имъ; но сердце болѣзненно содрогалось, когда клала руку, уполяющую боль, на расперзанную грудь друга, а когда просила его быть покойнымъ и забыть ее, то стѣсненный голосъ измѣнялъ собственному волнѣнію духа и желанію пребыть вѣчно въ душѣ его.

Нѣсколько времени послѣ сего, онъ чрезъ Принца, сдѣлавшагося къ нему весьма благосклоннымъ, имѣлъ еще разъ счастье видѣшь свою Ангелику.—

До сего сердце его претерпѣвало ужаснѣйшія мученія. Кругъ, составленный имъ, все шѣнѣе смыкался около посягающаго брата, а преимущественнѣе благородный Францеско оправдалъ предъ нимъ высокое ученіе дружбы. Ангелика спаралась въ крашкія минуты, когда была шеперь одна съ нимъ, ушвердиль шю, что произвели друзья въ его сердце, и просила его предпринять маленькое путешествіе для разсѣянія. Онъ разгорячился, упрекалъ ее въ холодности и вѣроломствѣ, и убѣждалъ избрать бѣгство какъ единое средство избавить себя и его отъ несчастія. Уже часто говаривалъ онъ съ нею о помѣ; она и сама думала, и много думала съ шѣхъ поръ какъ до свадьбы оставалось уже нѣсколько недѣль; но она все колебалась, и шеперь еще прошивилась убѣжденіемъ любезнаго. Онъ удалился, и видѣлъ ее въ послѣдній разъ. Душа его была исполнена негодованіемъ. О я вижу, восклиц-

цаль онъ въ уединеніи, я вижу, и она съ судьбою въ заговоръ прошивъ меня. Она меня никогда не любила! И я испоргну ее изъ сердца, гдѣ она споль, жестоко владычествовала. Вскорѣ попомъ ошправился онъ въ Песто, прошелъ до береговъ Крапіи, и возвратился чрезъ прелестную долину Діано. Хотя въ душѣ его спокойствіе еще не возвратилось, но перемѣна мѣспъ разсѣяла его сполько, что онъ съ спокойствіемъ могъ обдумать свое положеніе, и не пропивился съ мрачнымъ упорствомъ пріятнымъ впечатлѣніямъ, вспрѣчающимся въ жизни.

Въ самый вечеръ своего возвращенія получилъ онъ письмо отъ Ангелики, въ коемъ она просила спасти ее. Она соглашалась бѣжать съ нимъ, но не возможно было ни подъ какимъ предлогомъ опсрочить свадьбу, назначенную на другой день, и иначе произвести бѣгство, какъ въ шумѣ брач-

наго пиршества. Чтобы онъ все распорядилъ и завтра вечеромъ находился въ окрестности ея замка, спараясь изыскашь случай увѣдомишь ее объ успѣхѣхъ.

Съ помощію Франческа и Антонія все распоряджено. Оба друга должны были прокрасться въ садъ съ своими служителями, долженствующими произвести прервогу въ оноу, и около замка, какъ скоро послѣ ужина начнущаяся шанцы. Ангелика должна бѣжать во время прервоги и скрыться въ кустарникѣ у задней калишки сада, а когда въ домѣ успокоится, то подашь голосъ, на которуу друзья подоспѣють и опведутъ ее къ каретѣ, ожидающей у морскаго берега. —

На другой день Ринальдо уже рано находился въ деревнѣ, и между многими зрителими былъ свидѣтелемъ

пуржественнаго обрученія. Онъ видѣлъ какъ Ангелика колеблющими шагами подошла къ олпарю , видѣлъ въ чершахъ ея слѣды скрытой горести , и сколь худо скрывала возмущеніе сердца препенущая дѣвица , при видѣ любезнаго , съ шоскою ожиданнаго. — Вечеромъ пробрался онъ въ замокъ и былъ опведенъ повѣренной горничной въ маленькой кабинетъ , гдѣ дожидался , пока Ангелика подь благовиднымъ предлогомъ удалилась изъ общества и бросилась въ его объятія. — Горничной не была повѣрена тайна , но она имѣла довольно навыку , чпобы не подозрѣвать въ семъ свиданіи болѣе , какъ слѣдствіе обыкновеннаго любовнаго согласія ; такъ думала она , погасила лампаду , освѣщавшую корридоръ , и дожидалась , пока можешъ возвѣспишь госпожѣ своей , чпо ужинъ кончился. Евда успѣли Ринальдо и Ангелика облегчить другъ передъ другомъ сердца свои , и онъ сообщитъ ей

сдѣланныя распоряженія, какъ уже услышали тревогу. Они поспѣшь поняли, что произошло какое нибудь недомѣніе, и устрашились худыхъ послѣдствій сей поспѣшности. Ангелика имѣла довольно присудствія духа, чтобы поспѣшить къ собранію, показаться шамъ, распространить спрахъ о разбойникахъ, и попомъ въ общемъ замѣшательствѣ бѣжать какъ скоро можно будетъ.

Только съ помощію горничной женщины Ринальдо избѣжалъ опасности бытъ узаннымъ; онъ остался въ деревнѣ, пока слуги Антонія уведомили его, что невѣсту уже ищутъ въ замкѣ. Восхищаясь счастливымъ успѣхомъ, онъ поспѣшь возвратился въ Неаполь, во весь слѣдующій день показывался шамъ, и взялъ мѣры, чтобы Принцъ Гвидо, коего щещно ожидалъ до поздняго вечера, былъ увѣ-

домленъ о его присущствіи въ городъ.
Потомъ послѣдовалъ влеченію своего
сердца, и быстро понесла его ло-
шадь по темнѣющимъ пропінкамъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Повѣствователь и его слушательница прохаживались подъ благоухающими деревьями, и когда ночь сдѣлалась темнѣе и воздухъ прохладнѣе завѣялъ, Ринальдо кончилъ повѣствованіе новѣйшихъ происшествій своей жизни, изъ коихъ несчастіе Геліодоры могло объясниться. — Они находились передъ небольшою мраморною лѣсницей, ведущей въ садовую комнату замка. Ринальдо схватилъ ее за руку, дабы она не поскользнулась на влажныхъ опрѣвѣвшихъ ступеняхъ; и дѣвушка, казалось, пришла въ себя опрѣвѣвшей глубокой задумчивости, когда онъ при окончаніи повѣствованія сказалъ: Теперь вы видите, что друзья мои должны были по-

чесшь васъ за Ангелику, когда вы на шомъ мѣспѣ, гдѣ ее ожидали, подали голось. — Я вижу, что вы невинны, возрази́ла она, и ниче́го не могу пребова́ть о́пѣ справедливаго чело́вѣка, а должна проси́шь о́пѣ благороднаго: оппусти́те меня къ о́пцу моему! — Вашъ о́пецъ? а гдѣ о́нъ? — Когда Геліодора́ его увѣдоми́ла, о́нъ возрази́лъ: я подо́зрѣва́лъ, что роди́тели ваши дол́жны бы́шь шамъ, когда накану́нѣ не-счастливаго дня про́ходилъ вечера́мъ по морскому берегу, и увидѣ́лъ васъ спяще́ю. — Геліодора́ покрасне́ла; я нашла его шамъ нечая́нно, послѣ горестно́й разлуки, сказа́ла она, и о́пняла руку, ко́тору́ю Рина́льдо все держа́лъ еще. По скромно́й просьбѣ́ его, она сказа́ла ему о своемъ происхо́жденіи и уча́стии, и также упо́мянула о новыхъ о́пкрытіяхъ. — Я весьма радъ, сказа́лъ о́нъ по кра́пкомъ молчаніи, произшедшемъ о́пѣ удивленія, нашедъ въ васъ родствени́цу спо́ль для меня драго-

цѣннаго семейства , но сіе не поощряешъ меня въ вознагражденію пѣхъ минушь страха , къ коимъ я подалъ причину. А дабы, продолжалъ онъ при входѣ въ комнашы и поднеся руку ся къ своимъ губамъ , сіи глаза, сотворенныя выражаишь и производишь только радость, не помрачались болѣе слезами, по я съ завтешняго дня буду жишь только для вашихъ услугъ.

Спарая Агаша уже давно дожидалась своей повелительницы. Я васъ ожидала съ неперпѣніемъ, сударыня, сказала она, вошедъ съ ужиномъ по удаленіи Ринальда, но не хотѣла вамъ помѣшашъ, попому что и я знаю, сколь восхитительна радость свиданія, послѣ нродожительной разлуки: мы тогда не замѣчаемъ времени, и оно слишкомъ скоро проходишь противъ желанія нашихъ. — Ты говоришь правду, добрая Агаша; но я еще не наслаждаюсь эшой радостью; я еще не видала пѣхъ,

кого желаетъ мое сердце. — Извините, продолжала старуха улыбаясь, но въдъ эпо былъ вашъ любезной, которъй васъ такъ долго задержалъ, и объ немъ-то вы до сихъ поръ такъ печалились? — Нѣтъ, у меня нѣтъ любезнаго, а эпотъ менѣе всѣхъ можете быть онымъ! возразила Геліодора. Когда Агата удалилась, она еще долго занималась ея вопросами, и по поводу оныхъ воображала себѣ Ринальда какъ любовника, и не могла скрыть отъ самой себя, что охотно оспанавливалась на сей мысли. — Онъ сдѣлалъ на нее глубокое впечатлѣніе, да и долженъ былъ оное произвести въ томъ расположеніи духа, въ коемъ онъ ее нечаянно поразилъ. И едва можно себѣ представить расположеніе способнѣе къ таковому впечатлѣнію, и оно было сугубо опасно для дѣвушки, коей воображеніе всегда питалось и возбуждалось оживляющимъ взоромъ на времена предковъ; коей сер-

дце получило нѣжнѣйшую чувствительность чрезъ пріятныя занятія превосходными видами древности. — Таковая минуша должна была пробудить все усыпленное, и всякое шемное предчувствіе возвысить къ ясному чувству. — Сколько говорило сердцу ея въ пользу сего человѣка! Онъ первый возбудилъ въ ней чувствительность, въ пакую минушу, когда сія почка гопова была развиться въ шеплошворномъ воздухѣ Аріосповыхъ спихошвореній; онъ первый изъ мущинъ вспрѣшилъ ее съ нѣжной внимательностью, и шѣмъ возбудилъ ея шщеславіе. — Онъ швой возлюбленный, думаетъ Агапа — говорила она сама себѣ — Да любишь ли онъ шебя? — Ангелика предшала душу ея, и во внушренности сердца ея возбудилась новая шайная причина, чшобы увидѣшь ее. — Ангелика, эшопъ человѣкъ швой возлюбленный? и онъ шебя любишь?

Теперь Ринальдо представился ей какъ возлюбленный Ангелики, на которую она взираала съ благоговеніемъ какъ на нѣкое высшее существо, и онъ сдѣлался для нее еще занимательнѣе; она не могла удалить образъ его, какъ онъ, споя на колѣняхъ, обращалъ на нее пылающіе одушевленные взоры; и заснула тихо восклицая: Ангелика! онъ тебя любишь? —

Ринальдо также занимался новымъ чувствомъ, наполнявшимъ всю душу его. Когда онъ увидѣлъ Геліодору въ первый разъ на берегу морскомъ, она живо пронула его воображеніе. Путешествіе, какъ мы видѣли, успокоило его; чувство невозможности видѣть исполненіе лучшихъ надеждъ своихъ, предъ коимъ наконецъ и сильнѣйшая страсть умолкаетъ, произвело въ немъ сіе состояніе, въ коемъ хотя и чувствуемъ еще боль въ ранахъ своихъ, но охотно предаемся пріятному впе-

чаплвнїю , какъ бы въ вознагражденїе за поперю любимца сердца нашего. Послѣдними произшеспвїями, миловидный образъ дѣвушки хошя и былъ удалень , но все еще шико носился въ опдаленности его воображенїя , и опражался въ сердць его. Между шѣмъ , какъ шеперь душа его съ любовїю занималась симъ образомъ , воспоминанїе возлюбленной живѣе пробудилось , и неизвѣстность ея участи ужаснула его. — О боги , вскричалъ онъ , шисдѣдалась несчастна чрезъ меня ! несчастна за швою великодушную любовь. — Нѣшть , я послѣшу спасти шебя , удержу шебя навсегда ! шебѣ одной посвящу храмъ сердца моего , и не оскверню его никакой жершвой иному божешству.

Не осуждайше легкомыслїя челоевческаго сердца ; часто спокойшвіе наешоящей минушы зависитъ опъ шего , чшобы мы себя обманули !

Когда Ринальдо на другое утро пришел къ Геліодорѣ , то нашелъ ее за книгами. Послѣ перваго привѣтствія онъ взглянулъ въ шу, которая предъ нею лежала. Это лучшая похвала стихотворцу, сказалъ онъ, когда Гречанка, имѣющая на своемъ языкѣ изобильное сокровище изящнаго , опѣ сихъ числыхъ видовъ превосходнаго вѣка, обращается къ нему. — Она на то возрадила вѣчно о Италійскихъ стихотворцахъ, коихъ знала; и онъ нашелъ въ словахъ ея сполько , правильности , сполько тонкаго чувствва изящнаго , что совершенно предался любимому предмету разговора. Она спрашивала его о многомъ изъ Италіанской словесности, и разговоръ обратился на различіе между древнихъ и новыхъ искусствъ. — Я испытала, сказала она, при малыхъ моихъ познаніяхъ о новыхъ , что они всегда дѣлають на меня смѣшанное впечатлѣніе , напротивъ древніе всегда производили чис-

тое чувство, а именно ясное и спокойное соспояніе души. — Вы весьма точно опредѣлили свойство древняго и новаго, возразилъ Ринальдо, и мнѣ кажется, что древніе всегда выражали совершенно естественное, попому мы и получаемъ сіе чувство опть ихъ изображеній. Новѣйшіе напротивъ изображаютъ смѣшенное; они не приспособляютъ свои особенные или національные виды къ всеобщей почкѣ зрѣнія, и попому ихъ произведенія могутъ только тѣмъ совершенно нравиться, кои имѣютъ тѣ же виды, или поже расположеніе духа, побудившее художника къ представленію оныхъ. По сему я твердо увѣренъ, что Елиинъ никогда не удалялся изъ театрасо следами, но съ веселымъ духомъ, сколь бы не расстрогала его трагедія Софокла. Не по особенно Греческое представленіе судьбы кажется мнѣ основаніемъ его спокойствія; но — гдѣ весь человекъ равно поражается,

памъ не можеть бытъ инаго чувствва какъ спокойствіе. Свѣрхъ того не находите ли вы, что оное предспавленіе совершенно естеспвенно, пошому что было необходимо при соспоявіи образованія древнихъ? Я думаю, что ежели разсмотрѣшь хорошенько, то нельзя не согласишься на утвержденіе, что въ произведеніяхъ искусствъ лучшаго вѣка Грековъ, совершенно ничего не находится національнаго. . . . И таково вездѣ, гдѣ Еллинъ предспавлялъ, онъ всегда предспавлялъ только первоначальный чистый образецъ. Ежели я васъ хорошо понимаю, сказала Геліодора, когда онъ оспановился, то симъ можно бы опровергнуть многіе неблагоразумныя порицанія Греческихъ изваяній; я часшо слыхала, что въ головѣ Геры или Афродиты не довольно находятъ жизни и занимательности. — Вы меня обращаете къ предмету, котораго я хотѣлъ достигнуть, сказалъ онъ; въ эпихъ то самыхъ

черпахъ и находится глубочайшая, я бы хотѣлъ сказать, живѣйшая жизнь, ибо они выражаютъ по ясное соспояніе души, гдѣ всѣ силы пихо соединены и едипообразно дѣйствуютъ; а сіе по соспояніе и есть истинная жизнь спремящихся существъ. Разсмолтрите напропивъ бюспъ новѣйшихъ, шамъ вы найдете вмѣсто сего согласія разипельныя черпты, найдете занимательность и живость, но не красоту и не жизнь. А сіе есть отличительный признакъ всѣхъ новѣйшихъ искусствъ. Но когда художникъ нашего времени произведетъ изящное, то оно сошворено по образцу древняго, а не есть новое; ибо не время жизни художника даетъ произведенію по или другое названіе, но правило, по коему онъ работалъ.— Вы вѣрно всегда были очень счастливы въ мірѣ своихъ предковъ, чшобъ заботились о вопросѣ преимущества древнихъ предъ новыми, за кошорый од-

нажды ученые нѣкопорой земли совершенно раздѣлились на два сражающіяся ополченія. Во всемъ что пріобрѣтается шрудами, гдѣ одно спольбиле присвоиваетъ себѣ пріобрѣтеніе прощекшаго, сей вопросъ едва достоинъ вниманія. Но въ томъ что касается до явленій генія, тамъ великіе люди древности всегда будутъ предъозарять. А почему? Потому что новѣйшіе еще стремятся къ той степени образованія, коей уже достигли древніе и копорую обнаруживали въ своихъ произведеніяхъ, но копорая была не ихъ достоинствомъ, а даромъ благопріятной природы. — Почитай себѣ счастливымъ всякъ, кто призналъ сію степень образованія своею цѣлю, и собственною дѣятельностію оной достигаетъ! Къ оной влоницца все воспитаніе рода человеческого; но сіе воспитаніе есть собственное. — Прочь съ незванными учителями, кои хотятъ водить на помочахъ и направ-

ляшь изящнаго пипомца къ разнымъ намѣреніямъ и дѣлашь болѣе, нежели сказашь и дашь ему понять: Ты свободенъ.

Сильно возвысился голосъ Ринальда при концѣ, и глаза его блискали величественно. — Геліодора смопрѣла на него съ почтеніемъ; никогда не слушала она никого, кромѣ маперіи своей, съ такимъ участіемъ; и во всемъ, что онъ говорилъ, ея чувства были совершенно увѣрены. Я былъ увлеченъ заманчивой маперіей, сказалъ онъ помолчавъ, и почти забылъ зачѣмъ пришелъ, и что долженъ поспѣшить. Вы видите меня гошовымъ сей часъ отправишься въ Неаполь; я поѣду днемъ и ночью, и надѣюсь имѣть счастье по возвращеніи совершенно васъ успокоить. — Вы хотите удалиться, спросила Геліодора, а вчера подали мнѣ надежду, что я съ вашей помощью скоро соединюсь съ своими?

О позволѣте мнѣ теперь же съ вами ѣхать, чѣобы опять увидѣть моего отца, и найши Ангелику!—Это сладчайшее желаніе мое; но я не вижу средства доставить васъ теперь съ приличіемъ въ Неаполь. А ежели я впередъ поѣду, то съ помощію Ангелики все легко устроишь можно. — Гелиодора успокоилась на счетъ сего замедленія надеждою, что письмо ея уже въ рукахъ Ангелики, и отецъ ее приведенъ въ благопріятнѣйшее состояніе. Между тѣмъ Ринальдо примѣнилъ на маленькомъ сполыкѣ увядшую розу изъ Песнію, которая, не взирая на часно повторяемое намѣреніе бросить ее, все еще была сохранена. Онъ взялъ ее пухонько въ руку, и узналъ ее своею по черлому спелбля. Счастливыи цвѣшокъ, сказала онъ, приподнявъ его, какъ даръ случая, безъ намѣренія сохраненный, имѣли бы ты лучшую участь, ежели бы въ себѣ узнали жертву почтитель-

наго сердца?—Онъ схватилъ руку Геліодоры и хопѣлъ ее прижать къ устамъ, но оппущилъ опяпъ ппхонько, и, подпявъ взоры вверхъ, сказалъ пожимая ее въжно—Прощайте! — подпялъ опяпъ руку; и между пѣмъ какъ Геліодора хопѣла ее оппдернуть, онъ чувствоваль *слабое сопротивление, пробъжавшее по всей ея жилкѣ ея.* Прощайте! повпорплъ онъ раепрогавшпсь еще болѣе и прижалъ руку къ пламеннымъ губамъ своимъ.

Геліодора видѣла какъ онъ выпѣхаль верхомъ, и невольпо смопрѣла въ слѣдъ за нимъ, пока изгибы горы соккрыли его оппъ глазъ ея. Тупъ преда-лась она совершенно радости при мысли о прпямной будущности своей; но сколько она ни думала имѣть прпчины полагапья на благородство Ринальда, сколько не надѣялась на скорую помощь Ангелики, а все ея желанію казалось, что это слишкомъ за-

медлить соединеніе съ ея родными. Кто знаетъ , что случилось съ Ангеликой? Какъ легко могло спастись , что возвращеніе Ринальда совсѣмъ остановился, ежели любовь и долгъ попребуютъ онъ него посвятивъ себя единственно возлюбленной? А больной отецъ съ — кто будешь пещись объ немъ, ежели Ангелика не можешь этого сдѣлать?

Сии размышленія побудили ее къ рѣшимости удалиться изъ замка , и самой искать дороги въ Неаполь какъ можно скорѣе, попому что опасалась новыхъ затрудненій по возвращеніи Франческа. Едва утвердилась она въ семь , какъ Агата вошла. Геліодора , возмѣвшая со вчерашняго дня болѣе довѣренности къ ней , сообщила ей свое намѣреніе , и просила ей спомоществовать. Она рассказала ей , не объявляя имени Ангелики , какимъ

образомъ чрезъ ошибку попалась въ сей замокъ, и что она дочь Серены. Дочь Серены? воскликнула удивленная Агаша. О Боже мой, продолжала она со слезами на глазахъ, благодарю тебѣ, что я ее вижу! — Позвольте поцѣловать вашу руку; позвольте мнѣ носить васъ на рукахъ и быть вамъ пѣмъ, чѣмъ не могла быть мапушкѣ вашей до послѣдняго конца моего! — А для мапушки, которую ты любила, Агаша, помоги мнѣ бѣжать! — Нѣтъ, сохрани Боже, возразила спаруха, чтобы япустила васъ однѣхъ блуждать по симъ дикимъ мѣстамъ! Пока ноги будутъ носить меня, я опѣ васъ не опущу, и только на томъ мѣстѣ, которое вы мнѣ дадите, я сомкну глаза свои.

Онѣ успѣшно приготовили все къ опѣзду. — Геліодора опять надѣла свою опечесвенную одежду и повѣсила люшню черезъ плечо. Агаша спа-

ла передъ нею и разсматривая ее сказала : Кто бы могъ это вообразить !

Весело шла дѣвушка по зеленымъ берегамъ рѣки, и наслаждалась живописнымъ чувствомъ свободы. Солнце закатилось за опиделенныя горы, когда онѣ достигли высокой горной пропоники, которую указали освѣдомлявшейся Агашѣ, какъ крапчайшій путь къ деревнѣ, гдѣ онѣ хотѣли ночевать. Сошедъ по ней на другую сторону спаруха, полагаясь совершенно на лучшее наставленіе, слѣдовала все по пропоницѣ, какъ она вдругъ пресѣклась. Онѣ еще нѣсколько времени бродили и тщетно искали выхода. Наконецъ застигла ихъ темнота. Не пойдѣмъ далѣе, сказала Геліодора, и дождемся здѣсь спокойно дня. — Видите ли шамъ мерцаніе ? спросила Агаша, озирающаяся все вокругъ. Свѣтъ приближался къ нимъ сквозь кустарникъ. Обѣ начали призыванъ помощь. Свѣтъ былъ уже

близокъ—Кшо зоветь? спросилъ шемной человѣческой образъ, явившійся вдругъ передъ ними. Заблудившіяся ешранницы! отвѣчала Геліодора.—Когда онъ приподнялъ фонарь, то она увидѣла человѣка съ мрачнымъ видомъ. Слѣдуйте за мною! сказалъ онъ глухимъ голосомъ. Въ сомнѣніи спояли обѣ и смошрѣли другъ на друга; Агаша шрепешала. Слѣдуйте за мною! повпорилъ онъ сильнѣе; и онъ послѣдовали за молчаливымъ проводникомъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Время уже обратись назад и объяснишь судьбу шѣхъ, коихъ оставили мы въ смутныхъ обспояшельствахъ. И прежде обратимся къ ней, къ той несчастной, которая, въ надеждѣ на избавленіе, была споль жестоко обманута. Въ вечеру ея свадьбы все казалось прошивъ нее въ заговоръ. Опъ самага начала намѣреніе почти рушилось послѣшностію служителей; они были обмануты музыкой, долженствовавшей начаться по окончаніи спола; воспольдовавшая пишина, во время коей пѣла Геліодора, заставила ихъ подумать, что когда

пѣвица кончила, по начнутся танцы и уже время распроспранишь превозу. Послѣ того, когда она, спрашась еще неудачи предпріятія, съ прочими вышла изъ столовой и достигла лѣшницы, по супругъ ея вооруженный прибѣжалъ къ ней, и умолялъ не подвергаться опасности. Она для виду пошла къ своимъ прислужницамъ, споявшимъ въ нѣкоторомъ опдаленіи; шрепеща и ломая руки онѣ спарались удержанъ свою госпожу жалобными просьбами; но она подѣ предлогомъ опасенія о своемъ супругѣ вскорѣ за нимъ послѣдовала. Дабы не бытъ еще оспановленною, она сошла по опдаленной задней лѣшницѣ въ садъ. Тупъ все было шихо, когда она прокрадывалась вдоль спѣнъ. Садъ уже обыскали и возвратились въ домъ, не нашедъ въ ономъ ничего; ибо служишели Ринальдовыхъ друзей довольспвовались шѣмъ, что въ садовой замѣ разбросали нѣкопорыя вѣщи, произвели въ ней и въ саду шумъ, и

ещѣшили обезопасить себя удаленіемъ. Господа ихъ, дожидавшіеся внѣ сада, отворили заднюю калитку онаго, когда замѣтили, что все утихло, и только что схватили свою добычу, когда Ангелика вошла въ садъ. Она пришла къ назначенному мѣсту; все было тихо; окна замка опять ярко свѣтились. Она давала условленные знаки; все пребыло безмолвно. Она съ біющимъ сердцемъ подошла ближе къ калиткѣ и громче дала знать о себѣ. И когда ни одинъ звукъ не отвѣчалъ ей, то она успрашила. Можетъ быть, думала она, несбѣнное исполненіе удержало друзей за калиткой; и вышла. Пошла по улицѣ къ тому мѣсту, гдѣ карета должна была дожидаться, но ахъ! она слышала только шумъ морскихъ волнъ, ударяющихъ объ берегъ. Надежда шрепещущаго сердца влекла ее все далѣе. Когда наконецъ изъ глубины души ея испоргалась ужасное — *тщетно!* она остано-

вилась у шумящаго моря, поглядѣла на глубокое зеркало его, отражавшее видъ раздирающихся бѣгущихъ облаковъ. Руки ея опустились; она сложила ихъ на крестъ и склонила озабоченную голову.

Боже всемогущій! что будетъ со мною? воскликнула она, когда ея грудию спѣшенное сердце облегло. Она устремила взоры въ землю. — Грозный испитель, сказала она помолчавъ и воздевъ сложенные руки и устрешенные взоры къ небу, ужели ты *теперь* и *такъ* наказываешь хрѣвъ клятвопреступницы?

Состояніе ея было ужасно. Она бѣжала съ радостнымъ чувствомъ избавившись отъ будущности, предъ которою содрогалась. Послѣ продолжительной борьбы, бывшей запруднительнѣе отъ ея набожности, послѣдовала она приманчивому гласу спра-

спи. Я опказалась опъ неба, говорила она, чшобы бытъ счасшливою въ объ-яснѣяхъ любезнаго челоуѣка — а теперь, когда въ сихъ объяснѣяхъ надѣялась вознагражденія за всѣ неизъяснимыя сшраданія, прешерпѣнныя для него—Теперь спояла она на пусшынномъ берегу, съ раздирающимъ чувствомъ опшверженія въ груди, жаждущей любви.

Нѣтъ, восклицала она, нѣтъ Ринальдо, ты не можешь бытъ виновнымъ! ежели бы ты меня никогда не любилъ; ежели бы ненавидѣлъ, то и тогда не могъ бы предашь меня симъ мученіямъ! Куда было обратиться опшавленной? Впереди зрѣла она усшрашающую неизвѣстность, позади неизбежное несчасшіе. Въ сей поскѣ увидѣла неподалеку свѣтъ огня, и медленно пошла къ оному.

Сердце ея все еще громко говорило

въ пользу любезнаго, и сколь ни обвиняли его общошпельства, но она изыскивала возможности оправдать его. Хотя поспѣшность, можешь бышь, многое перемѣнила въ исполненіи предпріятія, но почему же не нашла, даже въ семъ опдаленіи, ожидающихъ друзей? Въ сихъ сомнѣніяхъ подошла она къ уединенному дому, изъ коего выходилъ свѣтъ. Мѣсто было ей знакомо, она поспучалась. Тотчасъ, поспучась Сабинушка, опвѣчалъ опшуда человекъ, и, опворя дверь, продолжалъ; ну шы долго заставила себя дожидать. Мнѣ должно бы тебя побранишь; но войди голубушка, я для тебя оставилъ кое что. Онъ схватилъ руку Ангелики и повелъ ее въ свѣтлую комнату; но когда увидѣлъ ее шамъ, шо вдругъ опушилъ ее руку, и остановился въ безмолвномъ замѣшательствѣ. Онъ пробормоталъ нѣчто о извиненіи; она схватила его руку и, поспряса ей ласково, сказала: Я

должна извиниться передъ побою, любезной, что тебя такъ испугала. Ты вѣрно ожидалъ кого нибудь, кто для тебя милѣе меня; дай ночлегу на эту ночь заблудившейся, добрый спаричекъ! Охотно, все что вамъ угодно, отвѣчалъ спарикъ. Ободренный Ангеликою разсказалъ онъ, что дочь его уже вчера пошла въ деревню, въ которой сего дня должна быть свадьба. И предлагалъ поспешительницъ поспѣть своей дочери, потому что она вѣроятно нынѣ не возвратится.

Добродушный старикъ заботился угостить запоздалую гостью пѣмъ, что сберегъ для любезной дочери; и какъ незнакомка сидѣла безмолвно и печальна, поддерживая поникшую голову рукою, то онъ спарался развеселить ее, и съ такой нѣжностью: утѣшалъ ее, что Ангелика была крайне пронуша. — Какъ будто страхася открытъ все свое несчастіе, сража-

лась она нѣсколько времени съ вопросомъ: Не проѣхала ли здѣсь карета? — Около часа тому назадъ, ошвѣчалъ спарикъ; я былъ обезпокоенъ каретной, остановившейся на дорогѣ, лежащей на нѣсколько шаговъ вправо. Я засвыпилъ слугамъ фажель. — Ангелика вниманельно слушала; карета ѣхала изъ Неаполя? спросила она, а куда? — Я съ извощикомъ подходилъ къ каретѣ, и долженъ былъ располоковать господамъ проселочную дорогу въ Ноцеру. Одинъ изъ нихъ посвѣпиль въ карету, и разсмаприваль молодую женщину, которая, какъ мнѣ показалось, спала. — Сердце Ангелики забилося; Ринальдо сказываль ей, что они эпу самую дорогу хопѣли избрать. Она покороче освѣдомилась о томъ господинѣ, и по описанію, которое спарикъ сдѣлаль о Францескѣ, заключила, что эпо ея любезной, пошому что они довольно походили другъ на друга роспомъ и видомъ, и спарикъ.

подтверждалъ всѣ ея вопросы, относящіяся къ Ринальдо, ибо онъ видѣлъ его только вскользь, и спрашивался огорчивъ ее оприцаніемъ, когда она казалась сколько желать сего сходства. — Старикъ еще много рассказывалъ о красотѣ женщины и о видимомъ участіи господина въ ней; но Ангелика уже ничего не слышала, мучительныя подозрѣнія возродились въ душѣ ея. Она подошла къ окну и мупные взоры блуждали во тьмѣ. — *Остатлена!* сказала она про себя, *обманута!* Нѣтъ, нѣтъ, это не возможно! Голова ея склонилась; она прислонила пылающія щеки къ холодному стеклу.

Старикъ уговаривалъ ее лечь спать, какъ у дверей сильно зашумались. Это была Сабина. Ахъ шамъ все въ замѣшательствѣ, сказала она отцу, которъй выговаривалъ ей, что она такъ поздно пришла одна, — разбойники напали на виллу — все веселіе прекра-

щено, и псвѣспы нигдѣ не найдуть. Ангелика обратилась, и удивленная Сабина, увидя ее, вскричала: Ахъ, Боже мой! Милоспивая Государыня, вы ли это? — Ты знаешь меня? — Какъ не знашь; я часно носила въ замокъ вашъ рыбу, заказанную у бапюшки, когда Мархеца еще здравспивовала. Ахъ сударыня, я сей часъ побѣгу назадъ и скажу, что вы здѣсь. — Оспанься, другъ мой, возразила Ангелика; не для чего спѣшишь. — Какъ объ васъ шамъ беспокоюшся, я думаю! сказала опять Сабина; всѣ были сппревожены, когда я проходила мимо вашей виллы. Слуги спояли съ горящими факелами у воротъ; баринъ приказывалъ имъ иппи во всѣ сппороны искашь васъ, и самъ съ нѣсколькими поѣхалъ. Беаша была со мною — вы ее вѣрно знаете, она дочь садовника Лорензо, и я обыкновенно у нее оспанавливаюсь; она выспроводила меня изъ деревни, и пакже искала иноземку, коей больной опецъ

лежишь у нихъ въ домъ, и о конюшкѣ боялась, что не заблудилась ли она. Ахъ, мы объ очень сожалѣли объ вашемъ несчастіи; она тоже думала, что вы бѣжали отъ разбойниковъ и гдѣ нибудь скрылись.

Въ продолженіи сего разговора спарикъ не говорилъ ни слова; онъ долго стоялъ, держа шапку въ сложенныхъ рукахъ и смотрѣлъ почтительно на Ангелику, узнавъ какая знамяная гостья къ нему зашла. Между тѣмъ какъ дочь его говорила, онъ тихонько подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ Ангелика прежде сидѣла, выперъ сполъ, и на мѣсто деревяннаго стула поставилъ большія мягкія кресла для нее, которыя выдвинулъ изъ угла. Какъ? спросилъ онъ наконецъ дочь свою, да вѣдь ты находилась у Беапы? — Нытъ, потому что больной шамъ лежишь, отвѣчала она, такъ Беапа меня отвела къ пріятельницѣ, гдѣ меня очень хорошо

приняли, хотя было и поздно. Сказавъ правду, любопытство задержало меня на дорогѣ! Какъ я вчера шла, по тамъ гдѣ дорога дѣлаесть поворотъ, увидѣла въ сторонѣ близъ самаго моря женщину, лежащую на холмикѣ. Прекрасный господинъ споялъ возлѣ нее на колѣняхъ и не сводилъ глазъ съ нее. Онъ былъ такъ прогапелень, что я чуть не заплакала; онъ вѣрно ее очень любилъ, и съ нею видно случилось какое нибудь несчастье. Я долго спояла изъ дали, и охотно бы подошла ближе, ежели бы не онасалась, что это будетъ ему неприяно. — Вы сударыня также должны знать этого господина? Онъ видно изъ Неаполя, и иногда ходилъ здѣсь и срисовываесть окрестности. Да помните ли, какъ я однажды пришла въ вашъ замокъ, уже болѣе году тому назадъ, такъ онъ споялъ съ вами и Мархезою при входѣ передъ большою картиной, висящей прямо про-

пивъ дверей? О я эшо помню, какъ будшо было вчера! Онъ очень хвалилъ карпину, и говорилъ, не помню хорошенько, кажешся шо, что она заслуживаешъ лучшее мѣсто. И мнѣ показалось, что онъ правъ; она и мнѣ всегда нравилась. Она кажешся взята изъ Исторіи Вепхаго Завѣна, о номъ чловѣкѣ, который далъ Богу обѣтъ: принесши ему въ жертву первое, что выдешъ ему на встрѣчу изъ его дому. Всякой разъ, когда я ходила въ замокъ, но осмивавливалась передъ нею и разсмивривала ее, и не могла довольно насмиврившешся на дочь, сходящую съ горы и предспавляющуюся опцу своему. Ахъ! а спарикъ-шо — онъ глядѣлъ шакъ горешно на дѣвушку! — Ангелка очень помнила; она поблѣднѣла, зашашалась и уже не сомнѣвалась въ вѣроломствѣ Ринальда. Все шерзаніа ревности обьяли сердце ея, и все несчастіе предшало во всемъ ужасѣ душѣ ея. И шылъ эшого чловѣка

видѣла? спросила она препещущимъ голосомъ, точно *этого* человѣка? — Точно его, а не инаго, возразила Сабина; я его довольно часто видывала. — Всѣ члены Ангелики препенали — глаза ея оспановились — съ болѣзненнымъ сномомъ прижала она руку къ сердцу, и упала бездыханна. — Сабина подхватила ее, спарикъ подбѣжалъ. Они спарались возврашшь жизнь больной. Наконецъ она открыла глаза. Не хоще ли успокоиться? спросили спарикъ и дочь его. Слабо отвѣчала больная: Да успокоись!

Спомль сильныя спраданія наконецъ сразили несчастную, и спраждущее сердце расперзалось. — Въ горесни сдѣли добрый спаркъ и плачушая дѣвушка у ея кровати и спарались придумать, чѣмъ бы облегчишь больную. Поди Сабинушка, сказалъ онъ, бѣги скорѣй, и скажи господамъ, чпобы посѣшили прислать помощь. Дочь

полетѣла, но едва отворила дверь, какъ слуги Принца вошли. Имъ все рассказали, и они радуясь счастливному открытію, поспѣшили обратно, и вскорѣ попомъ возвратились съ каретой и горничными. Печально подошли онѣ къ госпожѣ своей, смотрѣвшей на нихъ померкшими глазами и по видимому не узнавая никого. Природа напрягла послѣднія силы, и все возвѣщало совершенное изнеможеніе. — Старикъ и дочь его спояли рыдая, и карета поѣхала медленно, подобно погребальному шествію.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Старый Принцъ споялъ при входѣ, когда карета остановилаь у подъѣзда. Душа его была въ сильномъ волненіи. Неожиданныя происшесіивія минувшаго вечера подали ему поводъ къ гореспнымъ размышленіямъ; въ ранней жизни его были нѣкоторыя мрачныя мѣста, кошорыя проспирали свои напоминающія шѣни на преклонные дни его; многое еще неразрѣшенное, поздняго опкрыпія коего онъ опасался, наводило на него увыніе и онъ спрашился, что оно нагнешепъ на склоняющуюся голову его тягоспное бремя.

Видъ чужеземки безпрестанно носился предъ его глазами, и пѣснь ея, сдѣлавшая столь глубокое впечатлѣніе на него, еще опзывалась въ душѣ его. Спранныя событія, хотя и представлялись порознь, но ему казались быть въ пѣсней связи. Явленіе чужеземки, нападеніе разбойниковъ — исчезнушіе Ангелики — все сіе случилось въ столь краткомъ времени, что нельзя было не подозрѣвать отношеній, и онъ напрягалъ все остроуміе, чтобы ихъ постигнуть. Но печальное предчувствіе представляло ему только ужаснѣйшія изъясненія, и онъ повсюду зрѣлъ только начало удручающей цѣпи злополучій.

Онъ приблизился къ каретѣ и та, кошорую за нѣсколько часовъ видѣлъ во всемъ блескѣ юношеской красоты, лежала блѣдная и лишенная силъ на рукахъ служительницъ. Онъ послѣдовалъ за носилками, на коихъ понесли

ее въ замокъ; крупныя слезы орошали его ресницы.

Послѣ крашкого сна, больная, казалось, опдохнула и озиралась въ недоумѣніи. Она едва привспала, какъ раздалась поспѣшныя шаги въ прихожей; дверь отворилась: это былъ Принцъ Гвидо. Спавъ на коленѣ подлѣ кровати, онъ схватилъ руку любезной возвращенной, и спраспно повпорялъ ея имя. — Долго смошрѣла она на него; черты ея измѣнялись. Мало по малу начала она узнавать гдѣ находишься; память возвратилась, а съ нею и чувство ея несчастія. — Ахъ! ахъ! вскричала она съ судорожнымъ движеніемъ; упала назадъ и казалась лишенная жизни. Такъ лежала она пока обнаружилась сильнѣйшая горячка. Никшо не могъ объяснить послѣдняго движенія; лѣкарь объявилъ, что это дѣйствіе испуга, объявшаго ее при бѣгствѣ отъ разбойниковъ, а шакъ какъ

никпо не зналъ другой причины; по
 всѣ были его мнѣнія. Гвидовъ опецъ
 сидѣлъ также въ погахъ кровави, и
 смотрѣлъ по на неутѣшнаго сына,
 по на плающее лице больной. Онъ
 чувствовалъ неизъяснимую горестъ,
 и душа его спановилась все мрачнѣе.
 Онъ былъ увѣдомленъ, *гдѣ и какъ*
 нашли Ангелику. Разбойники должны
 были загнать ея въ сіе убѣжище;
 иной причины не находилось — и од-
 накожь все было споль спрадно, споль
 тайнствснно ужасно. Онъ видѣлъ
 только руку испителя въ сей пьмѣ.
 Ежели онъ еще живъ! ежели онъ уго-
 повилъ сіи спраданія? вскичалъ онъ
 вдругъ, вышедъ изъ глубокой задумчи-
 воспи. Кто? бапюшка, кто? спро-
 силъ Гвидо, вскоча спремипельно —
 о, онъ долженъ мнѣ дорого заплапипть!
 Старый Принцъ, спревожась, что
 при сполькихъ свидѣтеляхъ обнару-
 жилъ сокровеннѣйшія помышленія свои;
 молчалъ нѣсколько въ замѣшательспвѣ,

глядя на вопрошающаго — Тише! пи-
 ше! сказалъ онъ наконецъ, выходя изъ
 комнапы. Сынъ послѣдовалъ за нимъ.
 Бапюшка, сказалъ онъ, когда они бы-
 ли одни, скажите мнѣ эту шайну!
 Я вижу, душа ваша сильно встрево-
 жена. Умоляю васъ, скажите кто
 эпошь злодѣй? Гвидо, опвѣчалъ
 опецъ, схватя руку сына и смопря
 ему въ глаза — Гвидо, повторишь онъ
 стараясь шщепно придашь болѣе
 твердоспи голосу своему — воспомни-
 наніе дней юности моей не шакъ без-
 порочно, какъ по, которое будешь
 сопровождашь тебя въ жизни! про-
 должалъ онъ спѣсненнымъ голосомъ; я
 испребилъ спокойствіе весьма благо-
 родныхъ людей. Судьба ихъ сокрыта
 опъ меня во мракъ, но пѣмъ жеспотче
 преслѣдуетъ меня сіе воспоминаніе,
 О сынъ мой! давно уже оно подобно
 врану шерзаетъ грудь мою и испреб-
 лаетъ каждое пріятное ощущеніе. —
 Слушай, но пощади, когда опкроюся

тебѣ слабости отца. — Онъ замолчалъ и, казалось, боролся прошивъ довѣренности, долженствовавшей облегчить грудь его. — Но зачѣмъ мнѣ возвращаться такъ далеко назадъ, предметъ моего опасенія новѣе. Ты былъ еще диллипею, когда я въ кровавомъ поединкѣ былъ смертельно раненъ. Противникъ мой долженъ былъ бѣжать. Вѣроятно онъ умеръ, ибо уже годъ какъ ему возвращена свобода, по многократному ходатайству моему, но онъ еще не явился. А опасенія мои внушаютъ мнѣ, что онъ еще живъ. — Не безпокойсь о семъ, батюшка; ибо вы для своего противника сдѣлали все, чего можно ожидать отъ благороднаго человѣка. — Ничего, въ сравненіи горестнаго оскорбленія, коимъ угоновалъ я ему безоправдную спароснь! отвѣчалъ отецъ. Ежели онъ виною нашей горести, то по испинѣ еще съ пощадою мспилъ. — Какъ? батюшка, этого - то врага вы по-

дозрѣваете? — Ахъ объясните мнѣ все дѣло, расскажите всю связь, дабы я могъ ошмститься за честь нашего дома, и обратишь весь гнѣвъ обиженнаго супруга на сего подлеца!

Пусть же опкроется то, что я желалъ бы погребсти навѣки въ мрачномъ царствѣ ночи! пусть испоргается изъ груди скрываемое въ ней сполько лѣтъ, и возстававшее подобно грозному привидѣнію предъ глазами моими во время безсонницы, въ долгія ночи. — Онъ хотѣлъ начать повѣствованіе и оспановился, чтобы собразься съ мыслями, какъ вошелъ лѣкаръ. Видъ его былъ сомнишелень. Гвидо сильно испугадся; онъ мнилъ чипашь на лицѣ опышнаго мужа сего смерпный приговоръ возлюбленной супруги. Боже! что случилось? Она умираетъ? говорише! — Она жива, возразилъ врачъ, но я не хочу обманывать васъ пусшой надеждой; будьте головы ко все-

му. Жестокость горячки ежеминутно усиливается и неизвѣстно, въ силахъ ли слабое тѣло ея перенесши споль сильный припадокъ. О Боже! воскликнулъ Гвидо, взглянувъ на небо, я долженъ только взглянуть на счастье свое, а потомъ осужденъ лишиться онаго на вѣки? Опець схватилъ руку сына и оба послѣдовали за врачомъ въ комнату больной. Первый не могъ удержаться опть тайной радости, что тайна его спасена. Мы конечно еще узнаемъ какая вина пошито шягошила воспоминаніе его, и какого роду спыдъ препяпшвовалъ чистосердечному признанію; ибо есть прослушки, въ коихъ не охотно винится человекъ, который не всѣхъ благородныхъ чувствъ въ развратѣ юношества лишился.

Ангелика находилась въ сильномъ бреду, простирала руки, и кричала съ скоро измѣняющимся голосомъ: Ахъ,

вопшь они бѣгушь — Возмите меня съ собою. — Вошь кареша мчнтся — факелы свѣщяпся! Возмите меня съ собою! — Внизъ — низринушья — во адъ! — Ахъ — не хващайте меня — не хващайте меня!

Ужасно было чувство Гвида. Онъ споялъ на колѣняхъ предъ кровапью, прижималъ пламенное лице свое къ изголовью, и перзаемая грудь сильно воздымалась. О этого много, вскричалъ онъ, слишкѣмъ много для чувствительнаго сердца, видѣшь такое спрданіе! Ахъ какое жестокое удовольствіе разрушашъ образцовое спрореніе свое. — Гвидо, сказаль опецъ, коего внуспренное движеніе до сихъ поръ выражалось полько въ мрачномъ видѣ его — будь мужеспвенъ! мы увидимъ конецъ и сего спрданія, какъ угодно будешъ все управляющей судьбѣ! — И моя голова была освобождена опъ многихъ спрудныхъ часовъ, многія го-

респы кончились, продолжалъ онъ пише. Въ жизни научаемся мы спрадань и сносить; благодари Бога, что Онъ тебя пакъ рано ввель въ сіе училище, пока еще духъ твой бодръ и сердце имѣешь силы. — Онъ тебя пѣмъ скорѣе и лучше избавишь; но несчастливъ человекъ, который въ спарости долженъ учишься сносить несчастія.

Во вѣсь день соспояніе больной дѣлалось все сомнипельнѣе; она спановилась все пише опъ испощенія силъ. Гвидо не опходилъ опъ постели, сколько не просиль его врачъ поберечь себя, пошому что еще надежда не совсѣмъ пошеряна. Сей послѣдній, при великой опытноспи въ своемъ искусствѣ, имѣлъ совершенное знаніе чловѣческаго сердца, и довольно точно опгадавъ причину болѣзни по нѣкоторымъ признакамъ, и по случайному

свѣденію обстоятельствъ ; и на семь основывалъ свое пользованіе.

Старый Принцъ совершенно предался унынію ; тщетно искалъ онъ развлеченія въ прекрасной карпинной галлереѣ покойной владѣтельница виллы, гдѣ бы прежде конечно нашелъ изобильную пищу для своего знанія въ искусствахъ , и наконецъ удалился въ свою уединенную комнату. — Прохаживаясь по оной взадъ и впередъ , дорожная канпорка , споявшая на уборномъ столѣ , попала къ нему на глаза : съ самаго юношества была она вѣрнымъ спутникомъ его во всѣхъ странствіяхъ. Сей видъ возобновилъ многія воспоминанія ! — Сколько любовныхъ записокъ были писаны на ней ! Сколько кляпъ — легкихъ какъ перо , писавшее ихъ скоро — были произнесены на семь жертвенникъ , дабы привлечь въ волшебный кругъ любви бѣдныхъ вѣрующихъ ему ! Съвъ передъ

споломъ , и открывъ канторку , ему сперва попало въ руки нѣсколько старыхъ опрысковъ изъ журнала путешествія ; они доставили ему на нѣсколько минутъ пріятное развлеченіе , пока онъ ихъ пробѣгалъ. Это развалины счастливаго времени ! сказалъ онъ , но все только начало ! — Да , тогда я лучше желалъ плясать въ пестрящемъ кругу жизни , нежели съспать , и хладнокровно рассказывать грядущему , сколько счастливъ въ настоящемъ . — Однакоже я вижу многія минуты яснаго разсудка , подобныя млечному пути въ семь просторномъ туманѣ . — А воптъ ! нѣчто о красотѣ и изящномъ . И хорошо писано ! Ахъ сей жаръ , сія живость сущь невозвратимыя преимущества цвѣтущихъ лѣтъ челоуѣка ! лѣта и опытность насъ образуютъ , усовершенствуютъ наше сужденіе и освобождаютъ его ; но когда мы вспоминаемъ сіи пріятныя дни , кто тогда можетъ удер-

жашься ошь пихаго сожалѣнїя? — А
 объ самомъ достоинѣйшемъ времени
 юношескихъ лѣтъ моихъ, нѣтъ ниче-
 го въ сихъ тайныхъ листкахъ . . .
 О какое время! и не ошь *меня* ли
 одного зависѣло оспановишь его? —

Такъ какъ онъ давно не оппираль
 сей канпорки, по содержаніе оной
 сдѣлалось ему совсѣмъ незнакомо, и
 онъ въ полной мѣрѣ могъ наслаждашь-
 ся спраннымъ чувствомъ, копорое
 доставляешь намъ возрѣніе на подоб-
 ные памяшники совершенно различна-
 го образа мыслей и чувствъ. Но какъ
 удивился онъ, нашедъ въ попаевномъ
 ящикѣ нѣсколько писемъ, копорыя
 почипаль давно пропавшими, и малень-
 кой порпретъ, копорый уже нѣсколь-
 ко лѣтъ часно щещно искалъ. Оба
 были ошь прелестной женщины. —
 Преспанъ преспѣдовашъ меня безпре-
 спанно, дражайшая пѣнь! вскричалъ
 онъ, держа изображение въ прещу-

щихъ рукахъ — или явись съ гнѣвнымъ, укоряющимъ видомъ! а сей нѣжный взоръ, сія психоспраждающая улыбка раздирають мою душу!... Въ какую минушу получилъ я сіе изображеніе! — Онъ прижалъ уста на порпуръ, и сердце его предалось на минушу горестному воспоминанію. Пошомъ робко пропхануль руку къ письмамъ. Сколь знакомъ былъ ему сей дорогой почеркъ! Сколь часпо читывалъ въ немъ радостныя слова возлюбленной! Сперва прочель онъ:

Да, Цинпію, поспинѣ естѣ безсмертіе! съ чувствомъ любви моею къ тебѣ, я гошова утверждашь его прошивъ самаго опчальнаго прошивника. Она не можеть прекратишься — я эпошакъ сильно чувствую! и когда сама съ собою говорю иногда о ея продолженіи, шо мнѣ и не приходить на мысль думаешь о смерщ-

поспи слабой оболочки сего безсмертнаго чувства, споль мало опасуюсь я, чшобы съ нею все кончилось. — И паково бываешь со всякимъ лучшимъ чувствомъ, возвышающимъ насъ; не по ли же происходило и въ пвоей душѣ, благородный другъ мой, въ часы посвященные добродѣтели? — Ежели мы предаемъ съ воспоргомъ какому либо благородному стремленію, и въ насъ созрѣваетъ какое доброе намѣреніе — тогда являешся намъ наше поприще, въ ясномъ пихомъ предчувствіи, безконечнымъ.

А чего же намъ болѣе, какъ сіе предчувствіе, сія вѣра чистыхъ сердець?

Другъ мой, пы однажды такъ справедливо сказалъ мнѣ: пошь, кто въ эшомъ сомнѣвается, пошь ни-

когда не пипаль въ груди своей самое еспешвенное ощущение — любовь, а пѣмъ менѣе какое либо иное возвышенное чувство. Сіе истинное слово сохранила я въ своемъ сердцѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ я могу шебъ совершенно вѣришь, я шакъ покойна, другъ мой, въ груди моей миръ. Да, въ шебъ истина, или ее нѣтъ ни въ одномъ мужескомъ сердцѣ! и я бы не перенесла гореспи, ежели бы шобою была принуждена къ сему пагубному признанію. Во мнѣ нѣтъ ни обмана ни злобы; съ дѣпскимъ добродушіемъ взираю на каждаго встрѣчающагося мнѣ, и ежели онъ потомъ злобно косишся на меня, и въ слѣдъ мнѣ насмѣхаешся, шо всегда похицаешъ мою веселоспъ. — Что все эшо значипъ? спросишь ты. — Нѣтъ, возлюб-

ленной мой, увѣряю тебя всѣмъ, что для насъ священнѣйшее! никакое подозрѣнiе не вселилось въ меня! Ибо человекъ, услышавшiй въ первый разъ отъ меня: я люблю! умѣешь цѣнить значенiе сего слова. — Невѣрность! вѣроломство! сiи слова не должны бы никогда бытъ слышны между душами, чувствующими свое достоинство. Скажи самъ, можешь ли возникнуть въ женщинѣ малѣйшая мысль о невѣрности, ежели она не лишилась всего уваженiя къ самой себѣ, всего чувства собственнаго своего достоинства? А можешь ли женщина жить безъ нихъ? А вѣроломный мужчина, можешь ли не краснѣя причисляясь впредь къ своему полу, измѣнивъ высочайшему достоинству онаго — великодушiю?

Предчувствовавшая душа! вскричалъ

Принцъ, выронивъ письмо, ты жестоко опмщасшь сими словами чистаго сердца швоего !

Предавшись совершенно чувству негодованія на самаго себя, онъ былъ прерванъ Лорензомъ: Милоспивый Государь, сказалъ онъ, ежели вы хотите усладить послѣдній часъ умирающаго, то пожалуйте въ мою хижину. Онъ приказалъ васъ просить о сей милоспи, попому что имѣете нѣчто важное ввѣрить вамъ. Когда дочь моя ему случайно назвала высокую чешу, то онъ упросилъ меня пошчасъ итти сюда ; но онъ уже не долго проживеть, поперявъ въ другой разъ свое дѣлице, и это его слишкомъ расспроило. Вы конечно видѣли шу иноземную прекрасную дѣвушку, которая вчера вечеромъ пѣла передъ господами.—Какъ, прервалъ Принцъ, отецъ этой дѣвушки въ швоей хижинѣ? — Онъ пребылъ нѣсколько минушь въ размышленіи. Я

приду ; передъ наступленіемъ ночи увидишь онъ меня. Скажи ему это! — Со мною хочешь онъ говорить ? продолжалъ онъ оставшись одинъ , вступишь мнѣ нѣчто важное ? Кто бы такъ онъ былъ? —Скорое предчувствіе объяло его. Опасенія , кои едва удалили , возвратились съ новой силой. Онъ рѣшился посѣпить больного, кто бы онъ ни былъ. Когда наступила ночь, шо, окутавшись въ шемной плащъ , пошелъ одинъ тайно въ домъ садовника.

Торжественная пишина царствовала въ маленькой комнатѣ; только тяжелое дыханіе больного было слышно, когда Лорензо ввелъ Принца въ оную. Въ мое опсуспвіе ему сдѣлалось гораздо хуже, сказадь онъ тихо, онъ съ трудомъ говоритъ; я думаю, что онъ скоро умретъ. — Они подошли къ алкову; Беата безмолвно сидѣла у постели и поддерживала рукою голову боль-

наго, коего угасающіе взоры, казалось, съ благодарностію покоились на ней.— Принць нѣсколько времени разсмащивалъ его. Вы желали поговорить со мною, сказалъ онъ наконецъ Базилиду нешвердымъ голосомъ, чшо могу я сдѣлать для вашего спокойствія? Эпо нашъ баринъ, сказала Беата больному; копорый съ великимъ шрудомъ спарался говорить: Моя дочь — прошепшала онъ — ищите ее — умилосердишесь — надъ нею. Испощивъ силы, умолкъ онъ. Вы имѣете чшо-то важное ввѣрить мнѣ? спросилъ прешещущій Принць по крапкомъ молчаніи. Дочь моя — знаетъ все — опвѣчалъ онъ съ болѣзненнымъ напряженіемъ, она при — надлежитъ — къ вашему — семейству. Принць содрогнулся. Боже Вѣчный! вакричалъ онъ, закрывъ лице. Пономъ взглянулъ оная на Базилиду: Монкади! вскричалъ онъ прешещущимъ голосомъ, и простеръ къ нему руки.—Больной, копорого раз-

говоръ очень ослабилъ, лежалъ съ по-
 стухшимъ взоромъ, и дыханіе его спа-
 новилось все слабѣе. Когда Принцъ
 произнесъ сіе имя, то онъ два раза
 кивнулъ.—Это ты! вскричалъ Принцъ
 и повергся подлѣ постели; о прости!
 прости! — Базилидъ слабо поднялъ
 руку, какъ бы указывая на небо и по-
 качалъ головою; безсильная рука упа-
 ла опять на постель; и послѣ преры-
 вистаго вздоха глаза его навѣки зак-
 рылись для свѣта жизни.

Послѣ минушнаго унывія, кое чув-
 ствуютъ при смертномъ одрѣ каж-
 даго, даже самаго равнодушнаго намъ
 человѣка, Принцъ вспалъ и взглянулъ
 на бездушный трупъ человѣка, коего
 почипалъ своимъ врагомъ. Онъ меня
 проспилъ! сказалъ онъ шихо про се-
 бя; и сжели бы жизнь приводила еще
 въ движеніе швой успа, ты бы оп-
 вѣцспвовалъ миѣ на сей мировой по-
 цѣлуй.—Поцѣловавъ такимъ образомъ

чело покойнаго, пребылъ онъ еще нѣскольکو времени погруженнымъ въ задумчивость, пономъ вдругъ подошелъ къ Лорензу: Желаю тебѣ покойной ночи! сказалъ онъ, схвативъ руку Лоренза; завтра съ свѣтомъ приходи ко мнѣ! Я еще многое долженъ узнать.— Подъ звѣзднымъ небомъ возвратился онъ домой; различныя чувства, подобно морю, волновали грудь его.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Обратимся къ Геліодорѣ. — Дебри, чрезъ кои незнакомецъ велъ ее съ Агапной по неровной заросшей дорогѣ, спланировались все суровѣе. При свѣтѣ его фонаря онѣ видѣли, что возлѣ оной темныя скалы все выше и круче воздымались. — Вдругъ онѣ были остановлены низвергшимися громадами, кои, казалось, совсѣмъ пресѣкли путь; но путеводитель ихъ легко открылъ узкую пропашку, ведущую вокругъ оныхъ, и между тѣмъ какъ онъ, обращаясь къ женщинамъ, свѣпилъ имъ и отгибалъ въпши куснарника, разсмащивалъ внимательнѣе обѣихъ, особенно Геліодору. Вскорѣ услышали вблизи шумъ водопада, а пошомъ не видѣли внаго

выхода, какъ дно попока, коего волны, посребряемые свѣсомъ фонаря, пѣнясь пробирались сквозь обломки скаль; но проводникъ ихъ безъ шруда нашель безопасную дорогу, извивающуюся сквозь чашу.

Подождите немного! были первыя слова, услышанныя ими опъ незнакомца по нѣсколькихъ часахъ ходьбы, и онъ опъ нихъ удалился немного въ спорону. — Помогите намъ всѣ Святые, сказала Агаша въ полголоса, что съ нами будетъ? Любезная барышня, воспользуемся сей минушой; съ нами не можеть ничего худшаго случиться, нежели чего должны ожидать, бывъ во власпи эшого челоуька. — Но куда же намъ обратиться въ сей дебри? сказала Геліодора; малѣйшее движеніе измѣнитъ намъ. Я смотрѣла въ лице эшому челоуьку, когда онъ намъ свѣтилъ, правда видъ его мраченъ и суровъ, но не похожъ на злодѣя. И пакъ

покоримся судьбѣ нашей , можетъ быть для насъ лучше быть въ его власти , нежели бѣжать по неизвѣстной дорогѣ . Сколько она не старалась ободрить старуху , проклинавшую тысячу разъ мысль свою , заставившую ее , для выгоды нѣсколькихъ миль , оставить вѣрную дорогу , и пуститься по неизвѣстной тропинкѣ ; но и сама была не безъ опасенія . Точное знаніе путеводаителя ихъ сокровеннѣйшихъ тропинокъ , показывало ей не только , что онъ обитатель или сосѣдъ сей пустыни , но она изъ того выводила запрашающія подозрѣнія . Едва договорила она , какъ услышали , шагахъ въ пятидесяти , показалось имъ , звукъ рога . Три раза слышали онъ его по краткимъ остановкамъ ; и каждый разъ , послѣ двухъ отрывистыхъ звуковъ слѣдовалъ одинъ протяжный . Спрашно раздавались они въ сей пустынной сторонѣ , и ужасно повсорялись скалами . Агаша испустила вопль , и

сама Геліодора не могла не содрогнуться отъ страха. Незнакомецъ поспѣлъ опять явился къ нимъ и, видя страхъ ихъ, сказалъ: Не бойтесь! — Не бойтесь! повпорилъ онъ, видя, что страхъ ихъ чѣмъ бы уменьшился, увеличивался; и долженъ былъ дать знакъ своимъ друзьямъ, чтобы они не ошиблись. Ночь чрезвычайно темна.

Слѣдуя такимъ образомъ нѣсколько часовъ за незнакомецемъ, пропипка начала мало по малу опускаться; Геліодора замѣтила, что на одной сторонѣ крутые утесы исчезали, и ей показалось, что между толстыми деревьями показывается открытое мѣсто. Она не ошиблась; послѣ нѣсколькихъ минутъ дорога сдѣлалась глаже, и онѣ вскорѣ очутились передъ маленькимъ домикомъ. Между тѣмъ какъ ихъ проводникъ остановился прислушиваясь, онѣ имѣли время рассмотреть по лучшему окрестности, при свѣтѣ фонаря и

нѣсколькихъ звѣздъ , начинавшихъ показываться. Это была тѣсно окруженная долина ; домъ находился прошивъ той спороны, откуда они вошли , онъ былъ приспособенъ къ скалѣ , нависшей надъ его низкой кровлей , и двѣ или три подобныя хижины стояли рядомъ. — При входѣ въ комнату , проводникъ придвинулъ имъ скамьи , стоявшіе около очага , на коемъ плялись еще искры въ пеплѣ. По безпорядку , въ коемъ все находилось , онъ могли уже заключить , что сія хижина доставляла обитателямъ своему только покровъ отъ ночи и непріятной погоды , но рѣдко продолжительное пребываніе. Оружіе и нѣкоторыя охотничьи принадлежности висѣли по чернымъ стѣнамъ и подтверждали ужасныя опасенія женщинъ.

Угрюмый хозяинъ сѣлъ не подальку отъ нихъ ; онъ казался печальнымъ и всякой разъ , когда слышалъ шумъ ,

вслушивался внимательно. Голова его, освѣщенная длинными почти совсѣмъ побѣлевшими волосами, склонилась на грудь. Пока онъ такимъ образомъ сидѣлъ, Геліодора глядѣла ему въ лицо, освѣщенное помнымъ свѣтомъ лампы, и находила сполько благородства въ ономъ, что пребыла въ прежнемъ своемъ фізіономическомъ сужденіи. Но чѣмъ далѣе его разсматривала, тѣмъ болѣе содрогалась предъ сими грозно-мрачными чертами; она думала, что сіе разрушеніе благороднаго естества могло произойти только отъ многократныхъ ударовъ судьбы, повергшей сего несчастливца въ нравственную одичалость, въ коей, казалось, онъ находился. При всемъ томъ она не думала находиться въ споль худыхъ рукахъ, какъ опасалась Агаша, которая не смѣла взглянуть, и пренебрегла отъ безразсудной смѣлости своей спутницы. Геліодора размышляла только, не открытъ ли потчасъ свое положеніе

незнакомцу, дабы возбудить его участие. — Онъ взглянулъ, и суровой взоръ его споль долго и приспально оспановился на ней, что она въ спрахъ пошупила взоры. Наконецъ онъ вспаль и, оспановясь предъ нею, спросилъ Агашу: Эпа дѣвушка дочь пвоя? — Спаруха опвѣчала, что не имѣеть счастья принадлежапъ споль знапной особѣ, а что она шолько служительница ея. — Знапность не вездѣ преимущественна, сказалъ онъ, обращаясь къ Геліодорѣ. Вы были на опасномъ пуши; пока я живу въ сей спранѣ, никогда не видалъ пупешеспивенника на пѣхъ спезяхъ, и ежели бы случай не завель меня пуда, шо бы вы погибли. — И пакъ ежели мы вамъ одолжены спасеніемъ своимъ, прервала рѣчь его Геліодора, шо заставыте вѣчно сохранипъ благодарное воспоминаніе объ васъ, выведя насъ на наспопщую дорогу въ Неаполь. Бѣдная дѣвушка хочеть искапъ шамъ счастья своего.

Вы ей въ помѣ не воспрепятствуете; я вѣрю человѣчеству, даже и памѣ, гдѣ его не ожидаютъ.— Онъ схватилъ руку ея; посмопрѣлъ на нее, и мрачныя черпы его смягчились пріятнымъ соучастіемъ, и онъ сказалъ ласковымъ голосомъ: Да сохранишь благопріятная судьба свое упованіе! Да не испишешь никогда, что значишь, когда должно опказаться опъ вѣры въ человѣчество. — Любезная дѣвушка, я не знаю какими пупями ты идешь; но глаза твои показываютъ, что ты еще безпорочна и добра! И такъ бѣги! продолжалъ онъ голосомъ, проникшимъ въ душу Геліодоры; возвратись назадъ, упованіе погубишь себя! Едва выговорилъ онъ послѣднее слово, какъ послышался опдаленный шумъ; онъ бросился изъ дверей и оставшіяся женщины услышали, сначала въ дали, а потомъ ближе, грозный проекрапный звукъ рога, слышанный ими уже во время пупи. Хозяинъ опвѣчалъ подоб-

нымъ же звукомъ; и вскорѣ услышали онѣ близъ дверей вой и лай собакъ и шаги многихъ людей; и наконецъ различили многіе голоса. Насилу явились! вскричалъ ихъ пупеводилель; что васъ такъ задержало? Чшо пуншь спрашивашь, опвѣчалъ молодой голосъ, эши проклятые зеленокафшанники заграждали намъ пуншь на каждомъ шагу. Они присмапривали за нами, совѣшывались вмѣшъ, и мы всякую минупу ожидали, чшо они на васъ нападуншь.— Но мы были предупреждены, Эгидіо, раздѣлились на малые опряды, по два и по три шли мы смѣло не робѣя, и не возбудили подозрѣнія; пока опяшь подѣ вечеръ всѣ соединились. Хорошо, опвѣчалъ первый. И ничего не нашли, Мауро? Совсѣмъ ничего, возразилъ старый голосъ, только сего дня поупру одного шамъ на верху въ горахъ; видно его гнала совѣсть или любовь, шакъ скакалъ онѣ шибко сквозь лѣсъ. — А ты, чшо пуншь поймалъ,

Эгидіо? спросилъ молодой человекъ, заглянувъ въ хижину и увидя женщину. — Молчи! сказалъ шопъ повѣлительнымъ голосомъ, и юноша шопчасъ отступилъ назадъ.

Симъ Геліодора избавилась опъ замѣшательствъ, которое бы весьма умножило опасеніе, возникшее въ ней при появленіи сихъ людей и ихъ разговорахъ. Теперь она уже не сомнѣвалась, что попала между разбойниковъ, и не видѣла спасенія, ежели не могла положиться на великодушіе Эгидія, коего почтала ихъ ашаманомъ. — Теперь, барышня, сказала Агапа тихо, теперь пришелъ нашъ послѣдній часъ, ежели Богъ не спасетъ насъ чудомъ! Мущины удалившіеся на нѣсколько шаговъ опъ хижины, разговаривали въ полголоса. Приготовъ мнѣ шопчасъ пици, Мауро, сказалъ Эгидіо, приближаясь къ двери; въ моеѣ хижинѣ нѣтъ ничего, а госпъи успали. Послѣ при-

ди съ братьями ! — Сказавъ сіе , онъ опять вошелъ къ женщинамъ ; нѣсколько времени сидѣлъ въ задумчивости , оперши голову на руку , и качая ее иногда сомнишельно . Наконецъ взглянулъ вверхъ и сказалъ Геліодоръ : Вы вѣрно сами чувствуете , что должны опасаться здѣсь ? Опасности , ожидающія васъ на каждомъ шагу , хуже нежели безпокойный ночлегъ въ сей хижинѣ . — За чѣмъ сопровождаешь тебя сія люшня ? спросилъ онъ , помолчавъ — Она должна привести меня въ Неаполь . — По видимому ты чужеземка , продолжалъ Эгидію , и , кажешся , не очень счастлива ? Я не всегда была несчастна , отвѣчала Геліодора , а опять сего путешествія ожидаю конца своихъ спраданій . — Ты не счастлива ? сказалъ Эгидію , и однако такъ исполнена надежды и упованія ? Бѣдная девушка ! — Безъ вѣры и надежды мое несчастіе было бы вдвое тягост-

нѣе! — Не правда! тогда бы ты не обманулась.

При сихъ словахъ Эгидія вошелъ челоуѣкъ помоложе его, и коего черпты лица были веселѣе и пріятнѣе. Мауро, сказаль ему Эгидію, я предоспавляю тебѣ на время заняшь моихъ го-спей. Сія дѣвушка чужеземка, и хочешь ипши въ Неаполь. — Онъ уда-лился, и Геліодора призналась, что онъ хорошо знаетъ людей; ибо нашла разговоръ Мауро споль пріятнымъ и умнымъ, что забыла свое положеніе и не могла довольно надивипсья, какъ сіи люди сохранили сполько образо-ванности при своемъ суровомъ образѣ жизни. Она думала, что ежели всѣ внушашъ ей сполько довѣренности какъ эшопъ и Эгидію, то положеніе ея не опасно. Мало по малу входили одинъ за другимъ, пока все простран-ство около очага наполнилось. Всѣ разсмашривали женщины съ любопыш-

спвомъ ; молодые прошлись ближе къ Геліодорѣ, начали весьма откровенно разговаривать съ нею , а наконецъ, нѣкоторые позволяли себѣ вольности, приводившія дѣвушку въ новое замѣшательство и опасеніе ; однакожь одного упрекающаго взгляда Мауро доспапочно было, остановить дерзость юношей въ должныхъ границахъ, а когда возвратился Эгидіо , тогда она не имѣла уже никакой причины жаловаться.

Подкрѣпивъ силы лучшей пищей , нежели можно было ожидать въ таковыхъ обстоятельствахъ и при коей молодые люди весьма вѣжливо служивали Геліодорѣ ; Эгидіо повелъ ихъ на чердакъ , гдѣ были приготовлены постели для нее и служительницы ея. Да не возмущитъ ничто вашего спокойствія, сказалъ онъ женщинамъ; вы безопасны подъ моею защитою , и не въ рукахъ злыхъ людей.

Оставшись однѣ, Агата свободно предалась своему спраху и жалобамъ, и была неуспѣшна, что опть ея вины дочь почтенной Серены посшигла такая бѣда.—Будь покойна, Агата; правда мы между разбойниками, но я полагаю, что мущина самый дикой никогда совершенно не забываетъ долгаго нашему полу почпенія. Топчасъ послѣ сего, нѣкопорые изъ молодыхъ людей подходили къ двери чердака и шѣмъ конечно не оправдали благопріятнаго предубѣжденія Геліодоры, но пщелныя покушенія ихъ опшворишь оную, опшались безъ успѣха и показали женщинамъ, что Эгидію взялъ предоспорожности. — Успокоенная Агата скоро заснула, но Геліодора не могла сомкнуть глазъ. Воображеніе ея было въ сильномъ движеніи; опасностями, кои предспавляла себѣ прежде маловажными, шеперь казались ей весьма великими. При малѣйшемъ шорохѣ вскакивала она, не зная сама чего

спрашивая между семи людьми; опасность положенія ея все увеличивалась въ глазахъ ея. Она вспомнила все, что испытала съ того бѣдственнаго вечера, и между столь многими гореспными часами видѣла мало пріятныхъ минушъ. — О башюшка, воскликнула она, пакъ ты покинулъ меня въ свѣшъ бѣдною и безъ друзей! швое предсказаніе близко къ исполненію; никакая сила не можетъ предохранить меня отъ несчастія, вопреки могущей судьбы. — Но гдѣ найду я ангела хранителя, коего ты велѣлъ мнѣ искать? Хорошо — я буду искать его въ самой себѣ, въ моемъ сердцѣ, — хотя бы глаза мои никогда не осушались! —

Глухой шумъ, продолжавшійся доселѣ около хижины, теперь совсѣмъ утихъ, и въ послѣдовавшей за онымъ тишинѣ слышенъ былъ только въперъ, кошорый, несясь по кровкѣ, съ

воемъ ударялъ о скалы. Геліодора не смѣла погасить маленькаго фонаря, чѣобы не успрашиться еще болѣе въ пуспомъ пространствѣ, ее окружавшемъ. Снараясь щещпно заснуть, и перяясь въ воспоминаніяхъ и предчувствіяхъ, вспомнила о бумагѣ, данной ей Агашою уже въ дорогѣ передъ шѣмъ, какъ онѣ заблудились, и копору она нашла въ саду замка. Тогда по причинѣ сумерковъ не могла ее прочестъ, а послѣ была слишкомъ занята сама собою, чѣобы думашъ объ ней. Теперь чипала она:

Ринальдо! все мое пропивуборство щещпно, я должна изнемочь! — Я могу опъ всего опказашъ, опъ спокойснвія совѣсни, опъ надежды блаженства, полько не опъ себя и не опъ счаспія швоей любви. Ибо тебѣ полько принадлежишъ моя любовь, тебѣ одному будешъ она вѣчно принадле-

жапъ — клянусь въ помъ сими звѣздами, кои пакже вѣчны, сей луной, меня освѣщающей! — Цѣлыя ночи боролась я; на колѣняхъ просила Бога даровать мнѣ силы, умоляла Его до того, что духъ спирался въ груди — но образъ швой все предспавлялся глазамъ моимъ, швой укоряющій голосъ раздавался вкругъ меня, — и горячая молитва измѣнялась во вздохъ любви. — Я удерживала жалобы спраждущаго сердца моего, думала бытъ довольно рѣшительною, чтобы принести его спокойно въ жертву примиренія, и пребытъ швердою при воплѣ его. — Но ужасный день приближается, и я погибла, ежели ты не захочешь спасти меня! — Еще за часъ я сильно сражалась, держала изображение Распятаго въ препещущихъ рукахъ своихъ, и призывала всѣ добрыя намѣренія въ память

свою — Невозможно ! невозможно !
 вопіяло во глубинѣ души моей. Я
 видѣла объятія швои проспертыя
 ко мнѣ во мракъ ; и меня влекло
 къ швоей груди — хотя бы пушь
 къ шебѣ шелъ чрезъ адъ ! Теперь
 я на той ужасной почкѣ, куда
 швои убѣжденія меня всегда кло-
 нили. Теперь прими меня въ свои
 объятія ! Но не безпорочная дѣ-
 вушка, какая прежде покоилась
 на груди швоей — нѣтъ, только
 пресшупница можетъ сдѣлаться
 швоею. Слушай ! и содрогнись
 ошъ моей рѣшимости !

Тутъ слѣдовало, что шеперь не воз-
 можно избѣжать брачнаго благослове-
 нія, и какимъ образомъ должно произ-
 вести похищеніе. Потомъ она заклю-
 чала.

Ахъ, прими меня въ свои объятія;
 Ринальдо ! скрой на груди швоей

опть самой себя и опть устрашен-
ной совѣспи! да освободится она
памь опть мученій своихъ, — да
найду опяпть пошерянное небо въ
пвоихъ объашіяхъ.

Ангелика! моя Ангелика! вскричала
Геліодора и поцѣловала почеркъ лю-
безной руки. Какія горести, какое му-
ченіе угопованы пебъ, обманушой на-
деждой! Ахъ, ежели бы я могла быпть
при пебъ, я бы шолько швоему сер-
дцу повѣрила все, чшо шревожипть ме-
ня, а шы бы ввѣрила шолько моему
свои спраданія и жалобы! Воспомина-
ніе о Ринальдѣ пробудилось, грудь ея
сильнѣе вздымалась, но въ сіе мгнове-
ніе онъ былъ ей дорогъ шолько какъ
возлюбленный ея друга, и образъ объ-
ихъ напечатлѣлся въ сердцѣ ея.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Ничто такъ сильно не обращаетъ взоръ нашъ на самихъ себя, не доспаляетъ сердцу нашему и уму сполько просвѣщенія и самоспопашельности, и не возвышаетъ насъ къ пониманію и постиженію высшаго еспешства нашего; какъ созерцаніе несчастій, окружающихъ благороднаго человѣка — какъ дѣло судьбы на землѣ. Геліодора казалась опредѣленною къ сему созерцанію. Эгидіо рано освободилъ ее и просилъ прогуляться съ нимъ передъ хижиной. — Въ сей дикой странѣ все дышало упреннымъ веселіемъ обновленной природы; даже взоръ Эгидія былъ свободнѣе, а въ жилахъ Геліодоры кровь обращалась скорѣе. — По-

смопри, сказала она ему, въ сію пустыню, копорую видно солнце никогда вполнѣ не освѣщаетъ, однако, управляя всемъ, и въ нее посылаешь улаждающій, благотворный лучъ, можешь быть только для того, чшобы оживить мохъ, распуцїй на скалахъ. Почемуже намъ опчаяваться? почему съ негодованіемъ отвергаешь улаждающее лобзаніе надежды? — Эгідіо остано- вился и распрогавшись сказалъ: Добрая дѣвушка! — Да будемъ проклясть ночь, кпо умеривить прекрасный роспокъ швоей надежды! кпо, дерзкими руками осквернить скромное святилище въ груди швоей! — Счастливая дѣвушка! для тебя жизнь еще прїятная переменна годовыхъ времянь; тушь можешь еще произростать надежда! но не у несчастнаго, для котораго, послѣ продолжительной зимы, никогда не слѣдуешь теплой весны. — А для чего пишаемъ мы печаль? спросила Гелїодора. Для чего не воззовемъ

въ насъ самихъ весну? Эгидіо! продолжала она смотря ему приспально въ глаза, я тебя пошчасъ почла за благороднаго чловѣка, я тебя узнала, для чего ты между сими людьми? Можешь ли найши спокойствіе въ одичалости? — Послушай, отвѣчалъ онъ въ изумленіи, посмопрѣвъ съ удивленіемъ на нее — я для того и просилъ тебя погулять со мною, чшобы сообщить тебѣ многое. Ты считаешь насъ разбойниками? Многое должно возбудишь швое подозрѣніе. Но ты насъ обижаешь. — Дѣвушка возразила, чшо она его никогда не обижала, и шолько шпъ его великодушія ожидала спасенія.

Только два года, какъ я здѣсь, началъ Эгидіо; молодость моя не была счастлива; — я объ ней умолчу. Последовавъ однажды влеченію сердца своего, я навлекъ на себя ненависть сильныхъ; скоро нашли предлогъ, и я

былъ осужденъ на изгнаніе. — Въ Венеціи имѣлъ я друга, единаго, котораго меня еще не обмануль; къ нему пришелъ я послѣ продолжительнаго спрашиванія. — Мы вмѣстѣ служили; сражались подъ Паоли въ одушевляющей борьбѣ противъ самовольства и угнетенія; мы были тѣсно соединены. Дружба можетъ дѣлать пребыванія; я думалъ, что, зная мое положеніе и будучи членомъ знашнаго семейства и въ силѣ, онъ самъ меня предупредитъ; но ошибся. Я нашелъ въ немъ великую перемену; разсудительная, разсечливая холодность заснула мѣсто высокаго, пылкаго чувства ко всему благородному, которое насъ прежде соединило. — Все, что я отъ него получилъ, было благодѣаніе, которое давалъ онъ изгнаннику; и я очень часто замѣчалъ, что онъ спрашивался оказывать мнѣ оное. Наконецъ далъ онъ мнѣ почувствовать, что я бы хорошо сдѣлалъ, прискавъ другое

убѣжище; что человекъ, находившійся въ такихъ обспоятельстввахъ какъ я, всегда подозрительнъ въ Венеціи. — Замѣшь, что одинъ онъ въ Венеціи зналъ прежнія связи мои. Я оспался, но мы уже не видались. Тупъ онъ, можетъ бышь, началъ спрашиваться, что я ошпачу за его неблагогородный поступокъ тѣмъ же, и ошкрою, что и онъ находился въ тѣхъ же сношеніяхъ; чего въ Венеціи не знали. Онъ началъ часпо посѣщать меня; показывалъ великое участіе, оправдывался добрымъ намѣреніемъ, охуждалъ мои сомнѣнія, и просилъ меня только бышь оспорожнымъ. Хотя я ему уже не совсѣмъ довѣрялъ, но не могъ почистать его совершенно гнуснымъ, ибо прежде слишкомъ любилъ его. Однажды пригласилъ онъ меня къ себѣ; у него находились еще два человекъ, коихъ представилъ мнѣ какъ искреннихъ друзей своихъ. Хипрымъ оборотомъ друга моего, разговоръ зашелъ

о государственныхъ дѣлахъ. Давно уже поставилъ я себѣ въ правило не говорить о нихъ, но онъ зналъ слабую спорную мою; я разгорячился, и облегчилъ свое сердце и, можешь быть, въ жару разговора забылъ спрану, гдѣ живу. — Двѣнадцать часовъ спустя, я находился въ ужаснѣйшей пемницѣ. Два года тому какъ меня освободили, съ приказаніемъ поспѣшь ославить Венецію. Другъ мой нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ умеръ.

Я возвратился въ опечесство, не слышалъ ничего о своихъ ближнихъ и не смѣлъ освѣдомляться объ нихъ. Шапавшись долгое время, я нашель людей, между коими шы меня видишь. Одинакая участь соединила насъ; они избрали меня своимъ начальникомъ. Они благородные люди, хорошаго происхожденія, а нѣкоторые, какъ шы вчера, можешь быть, замѣшила, не безъ образованія. — Ни одинъ изъ

нихъ еще не проспираль руку на чужое имущество ; но нужда скоро бы принудила ихъ составить разбойничью шайку. — Я сообщилъ старшимъ и лучшимъ изъ нихъ планъ , который составилъ поспѣшь какъ меня избрали начальникомъ. Онъ былъ одобренъ всѣми , и мы поспѣшь принялись за исполненіе онаго. Тогда шайки разбойниковъ , скипающіяся въ горахъ , и дѣлающія дороги весьма опасными , уже беспокоили королевство. А какъ не предпринимали никакихъ къ уничтоженію сего приличныхъ мѣръ , то они опъ того сдѣлались смѣлѣе и необузданнѣе. — Мы соединились для защиты путешественниковъ , и были уже довольно многочисленны для исполненія сего намѣренія. Мы избрали здѣшнюю страну , попому что они ее болѣе беспокоили ; и вскорѣ нашли сію дикую , скрытую долину , которую опредѣлили къ нашему мѣстопребыванію. Дабы не показаться по-

дозрипельными , мы приняли наружность охотниковъ , и употребляли предосторожность отпрапляясь и возвращаясь только ночью , а ежели случалось днемъ , то малыми опрыдами; для насъ было очень важно, чтобы насъ не почли разбойниками, и чтобы наше жилище оспалось скрыто. Все удалось. Съ ихъ поръ какъ мы въ сихъ мѣстахъ , рѣдко слышно было о грабежѣ путешественниковъ ; мы не сдѣлались подозрипельны ни королевской конницѣ , объѣзжающей иногда сіи горные хребты, ни разбойничьимъ шайкамъ , потому что имъ и въ голову не приходило, чтобы былъ составленъ союзъ противъ нихъ , даже когда мы сопровождали путешественниковъ чрезъ опаснѣйшія мѣста, что случалось каждый день. На насъ самихъ нападашь — рѣдко осмѣливались , потому что всегда дѣлали кровавый опытъ , и видѣли, что мы хорошо вооружены и имѣемъ хорошо обу-

ченныхъ собакъ. Число наше все умножалось, и сдѣлалось бы безчисленнымъ, ежели бы мы не съ спрोगимъ выборомъ и оспорожностью принимали. Дабы распроспранить кругъ нашей дѣяшельности, мы годъ тому назадъ успановили подобные союзы, въ другихъ часпяхъ государспва, копорые управляюпся надежнѣйшими людьми изъ нашего круга.

Я никогда не раскаявался, произведя въ дѣйствіе шакое намѣреніе съ сими людьми; они всѣ оправдали мою довѣренность, и одинъ только разъ привели въ исполненіе спрогіе законы, успановленные между нами. — Умѣренныя подаянія, доспавляемыя намъ добровольно пушеспшвенниками, коихъ мы спасаемъ или охраняемъ, доспашочны для ограниченныхъ нуждъ нашихъ. Намъ спойшъ шолько попросишъ о шомъ, ежели богатый пушеспшвенникъ самъ не предупредишъ

насъ; кто нагло требуетъ или еще поднимешь руку на путешественника, неминуемо наказываешься смертію. Несчастный, сдѣлавшійся жертвою сего необходимаго закона, не долго находился между нами, и былъ не изъ числа основателей нашего союза. Ты не найдешь памятника его между тѣми черными, мраморными плитами, покрывающими прахъ умершихъ братьевъ, тамъ на скалѣ горы. —

Ты легко можешь вообразить, что мы наконецъ должны были возбуждать вниманіе. Самые путешественники распространили далеко молву объ насъ, да и разбойничьи шайки, у коихъ мы опіяли многія добычи и уничтожили многіе замыслы, наконецъ начали подозрѣвать. Мы замѣтили, что съ нѣкотораго времени разъѣздная конница за нами наблюдаетъ, а опъ земледѣльцевъ слышали, что объ насъ обспоятельно разспрашиваютъ, и разбойники подспе-

регаюшь насъ , дабы открышь наше жилище. Все сіе побудило насъ польско удвоишь оспорожнось обезопасишь себя опъ нападенія и опъ лазупчиковъ ; и мы продолжаемъ дѣйствовать скрышно , какъ и въ началъ нашего явленія. Не взирая на все сіе , я уже давно помышлялъ о средспвахъ возврашишь моихъ собратій изгнавшему ихъ опгеческву. Проспупки , за кои подверглись они изгнанію , тако-го рода , что и предъ самымъ спрогимъ судьбою могушь бышь заглажены раскаяніемъ : — дѣйствія юношеской , или въ жару спраспи сдѣланной безразсудности. Но до сихъ поръ я не находилъ средспва къ исполненію и ко вспупленію въ нужные переговоры , пока вчерашнее появленіе швое внушило мнѣ мысль. Я опправляюсь съ побою въ Неаполь ; пѣніе и игра и въ моихъ странствіяхъ помогали мнѣ снискивать пропитаніе. Твое сообщество опклонишь подозрѣніе опъ ме-

ня, а мое поварищество доставишь тебѣ защиту. Тамъ увижу я, захочешь ли Правительство принять осьмнадцать благородныхъ людей, представляющихся ему вновь, и кои доспапочно загладили просупки, коими нѣкогда прошивъ себя вооружили, услугами, оказанными общественной безопасности. — Для самаго себя я конечно не имѣю надежды, ежели мои прошивники еще живы.

Теперь ты знаешь, любезная дѣвушка, между какими людьми находишься, заключилъ Эгидію, и какую услугу имъ окажешь, согласясь на мое предложеніе. Но я не наспаиваю въ помѣ, ежели ты хоть мало спрашишься, что мое соповарищество навлечетъ тебѣ непріятности.—Эгидію! сказала Геліодора, слушавшая его съ величайшимъ вниманіемъ и учаспіемъ; мои сомнѣнія на счетъ твой и друзей твоихъ не могли быть разрѣшены лучше, какъ ты теперь

сдѣлалъ. Хотя бы швое поварищеспи-
во могло принести мнѣ вредъ, по я
и тогда почла бы долгомъ споспѣше-
ствовати сей малоспью для приведе-
нiя въ лучшее состоянiе такихъ лю-
дей. Чего не произведетъ тогда ихъ
благородное усердiе! Но возмимъ и пы
надежду! она естъ свѣшило жизни. —
Моя жизнь была только мрачная ночь!
возразилъ Эгидiо.

Они прохаживались еще передъ хи-
жиной. Эгидiо послѣ сихъ словъ уда-
лился отъ Гелiодоры, и пошелъ въ
другiя жилища, чшобы созвать своихъ
друзей въ совѣщъ. — Она продолжала
медленно свою прогулку, занявшись
совершенно повѣспованiемъ Эгидiя;
принимала живое учаспiе въ немъ и
друзьяхъ его, и ласкалась надеждою,
чшо можетъ бытъ чрезъ Ангелику и
супруга ея можетъ также споспѣше-
ствовать ихъ счастiю. По немногу
молодые люди выходили къ ней. Пре-

красный видъ ея , который вчера видѣли только при неблагопріятномъ освѣщеніи, касалось, сильно привлечь ихъ удивленіе. Ласково отвѣчала она на почтительное привѣтствіе ихъ. Я радуюсь, сказала она, познакомисься короче съ шѣми людьми, коихъ Эгидіо называетъ своими братьями. Между шѣмъ, какъ юноши, видя, что Геліодора увѣдомлена начальникомъ , разговаривали съ нею о многихъ поспановленіяхъ ихъ общества , Эгидіо и Мауро подошли, важно разговаривая. Всѣ сославились кругъ около почтеннаго начальника.

Братія, началъ онъ , нѣтъ ни одного изъ васъ, который бы сморгнѣлъ на союзъ нашъ съ ложной почки зрѣнія , почтывая его за вѣчный, и думая, что всѣ прежніе узы распоргнуты. Нѣтъ, мы не распались съ опечесивомъ , когда законы лишили насъ прекраснаго права гражданъ. Мы всѣ это

чувствовали, и когда я вамъ предложилъ посвяпитьъ себя предпріятію, коего исполненіе насъ уже два года споль славно награждаетъ, вы всѣ меня одобрили. Когда намъ не позволялось испытывать свои силы, въ кругу дѣятельности, назначаемомъ Правительствомъ, то мы избрали иной; а что выборъ нашъ не недостоинъ былъ, въ томъ ручаемся намъ слава, коей все Государство удостоиваетъ нашу дѣятельность. Но тогда же сказалъ я вамъ, а вы мнѣ: Такъ будемъ мы жить, доколь загладимъ свои прощупки, такъ удовлетворимъ за обиду законовъ.—Мы всѣ слишкомъ любили опечесиво, горѣли желаніемъ оказать ему свою любовь, и при сильной охотѣ къ подвигамъ имѣли слишкомъ много честолюбія, чтобы не желать искренно той минуты, когда предугрповишся намъ возвращеніе въ примиренныя объятія его. Благороднѣйшій подвигъ только въ половину утѣшаетъ насъ,

ежели не можемъ радовашься онымъ при взорахъ удивляющихся и поощряющихъ согражданъ. — Учасьь ваша всегда лежала у меня на сердць ; я безпрестанно думалъ , какъ бы ускоришь сію минушу , когда новѣйшія произшесствія , вамъ всѣмъ извѣспныя , обрапили вниманіе мое на наше положеніе. Въ явленіи сей дѣвушки я видѣлъ , такъ сказать , мановеніе судьбы ; и рѣшился слѣдовашь ему.

Тупъ сообщилъ онъ имъ подробнѣе свой планъ , и намѣреніе отправишьь еще сего дня въ пущь съ незнакомкой. — Воспослѣдовало молчаніе. Мауро выступилъ впередъ. Эгидіо , сказалъ онъ , пусть я буду исполковашелемъ чувствованій изумленныхъ брашій пивонхъ. Ни ошъ кого другаго не ожидали они сего великодушнаго пожерпвованія какъ ошъ себя. Они шакъ привыкли бышь обязанными шебъ всемъ , что никому не уступящъ сего

вѣчнаго права на ихъ благодарность? Повѣрь мнѣ, ихъ всѣхъ пріятно поразила надежда возвращенія, копорую пы споль неожиданно возбудилъ изъ сокровеннѣйшихъ изгибовъ сердець ихъ, и прелесный видъ свободной, неограниченной жизни. Ибо нѣтъ ни одного между нами, изъ сердца коего бы испребилось воспоминаніе объ опечесствѣ, и о соединеніи съ людьми, наслаждающимися пріятностями любезной страны; — но нѣтъ также ни одного — это показываютъ тебѣ сверкающіе глаза, пламенные ланиты окружающихъ тебя — ни одного, который бы въ сію минушу не желалъ броситься въ твои объятія, и возобновишь кляпву брашской любви! — При сихъ словахъ обнялъ онъ Эгидія, и сѣдьющія кудри ихъ почпенныхъ головъ перевились между собою. — Послѣ краткаго молчанія, всѣ прочіе сомкнули ти́сный кругъ около обоихъ, блестящіе мечи зазвучали одинъ объ

другой, и радостное восклицаніе: Да здравствуетъ Эгидіо! наполнило воздухъ. —

Мауро, обратясь къ Геліодорѣ, сказалъ: Нѣкогда было время пріятныхъ вымысловъ, гдѣ проспосердечный родъ человѣческой говорилъ о просвѣщеннѣйшихъ своего рода, кои угоповали имъ пріятнѣйшее состояніе, или посредствомъ благодушельныхъ изобрѣшеній возвысили цѣну жизни, какъ о низшедшихъ безсмертныхъ. Воображеніе охотно предается оей сладостной мечтѣ, а сердце гоново воздвигаетъ жершвенники. Вы, прекрасная незнакомка, доставили нашимъ сердцамъ всегдашній предметъ жершвоприношеній.

Нѣкоторые изъ брашій отправились для узнанія, безопасна ли дорога, по которой долженъ отправиться Эгидіо съ Геліодорой, и возвращались уже поздно

съ извѣстіемъ, что видѣли многія шайки разбойниковъ въ лѣсу, находящемся въ нѣсколькихъ миляхъ, и съ прудомъ избѣжали ихъ испыпующихъ взоровъ. Рѣшено отпраправиться на утро передъ разсвѣтомъ. Всѣ хошѣли проводить удаляющагося начальника.

Эгидіо провелъ ошпашокъ дня въ пригошовленіяхъ къ пужи и распоряженіяхъ на время отсущствія своего; между шѣмъ Геліодора обошла малую долину съ своей спущницей, и спаралась разсѣять ся недовѣрчивость и спрахъ о сопровожденіи Эгидія. Уже поздно вечеромъ возвратился онъ въ хижину. Вскорѣ попомъ пришелъ и Мауро, и всѣ сѣли около огня, пылающаго на очагѣ. Мауро, сказалъ Эгидіо, посидѣвъ нѣсколько времени въ задумчивости, и схвапья руку друга своего — поручаю тебѣ нашихъ брапій и ихъ добродѣтель! Будь ихъ пупеводитель и насшавникъ, пока я буду въ отсущп-

ствіи ! а ежели мы не должны болѣе увидѣться , по исполни пы нѣкогда по , что мнѣ , можетъ бытъ , не удаспся . Чѣмъ ближе исполненіе намѣренія моего , тѣмъ мучительнѣе спановящся опасенія . Я споль часто и жестоко былъ обманутъ въ лучшихъ надеждахъ моихъ , и споль часто увлекалъ къ свою несчастную участь благородныхъ людей . Сообщение со мною опасно . Тщешно уговаривали его Геліодора и Мауро изгнать изъ сердца сію мрачную безнадежность ; они показывали ему вѣроятность , что переговоры его будутъ успѣшны , попому что онъ , какъ замѣшилъ послѣдній , уже давно облегчилъ средства доказашъ оказанныя государству услуги . Угрюмая задумчивость не исчезала , и облако грусти сгущалось на челѣ его .

Геліодора , пришедъ съ своей прислужницей на ночлегъ прошедшей ночи , снова должна была сражаться со

спрахами спарухи. Агапа шакже слышала послѣднія слова Эгидія, и изъ оныхъ выводила причины умолять свою спупницу, опклонишь его сопровожденіе; она представляла ей, что человекъ, произносящій такіа спрашныя рѣчи, не можеть внушить довѣренности; и она все таки думаетъ, что эти люди разбойники, а не что иное, какъ они говорятъ, и чему Геліодора вѣришь. Но, сказала она наконецъ, а ежели вы непременно хошите, барышня, то пусть будетъ что будетъ, а я васъ не оставлю, и ежели намъ должно бышь несчастными, то я охотно преперплю все съ вами. — Геліодора была крайне пронуша симъ изъявленіемъ добраго сердца, и еще болѣе спаралась разогнать спрахъ Агапы, но не совсѣмъ въ помъ успѣла, даже и сообщивъ ей повѣспвожаніе Эгидія. Наконецъ она заснула. Геліодорусіе повѣспвожаніе привело навесь день въ шоржеспвенное располуженіе

духа ; она чрезъ него познала человѣческую жизнь совсѣмъ съ новой спороны, копорую до сихъ поръ , не взирая на маловажныя свои несчастія , юношеская веселость препяпшпвова-ла ей внимащельнѣе разсмапривашъ. Свѣтлый лучъ , упадающій иногда сквозь щели кровли, освѣщаль спящую спущницу. Доброе швореніе ! сказала Геліодора , шебя шревожипъ только забоша о будущемъ часъ , а ежели ше-бя опъ оной освободяпъ , ежели успо-кояпъ на счепъ ближайшей пошреб-ности ; по шы крошка , какъ насыщен-ный младенецъ у груди мапери ! — Счастлирое спокойствіе ! —

Расположеніе Геліодоры дѣлалось все задумчивѣе. Она вспала въ безпо-койствѣ и подошла къ пому мѣсту , опкуда свѣтъ болѣе проходилъ , опю-двинула неприбишую доску и нашла маленькую дверь въ кровль, прислонен-

ной къ скаль. Промежупокъ былъ шакъ узокъ , чшо едва можно было пролѣзшь между кровлей и скалой , чшобы достигнуть лѣспницы , высеченой въ скаль , и ведущей удобно на вѣрхъ оной. Геліодора взошла по ней и взглянула на окрестность. Луна часшо помрачалась шемными облаками , несущимися къ ней на встрѣчу. Только крики ночныхъ ппницъ , обитающихъ въ расълинахъ скаль , возмущали мрачное безмолвіе , царшвовавшее въ сей дикой странѣ. Обнаженныя скалы , окружавшія узкую долину , воздымали сѣдыя главы , изрѣдка увѣнчанныя шемными елями , и округлоспи ихъ шакъ легко сливались съ слабымъ сіяніемъ луны , чшо разгоряченное воображеніе мнило видѣть окупанныя человѣческія фигуры , идущія сквозь облака. Онѣ отбрасывали длинныя тѣни въ долину , и покрывали ее мракомъ. — Смошря шакимъ образомъ на сію дикую каршину , воображеніе Ге-

ліодоры облекалось въ мрачный по-
 кровъ оной, и внутренній взоръ ея
 со слезами покоился на самыхъ мрач-
 ныхъ мѣстахъ жизни человѣческой.
 Она съѣла на спусень каменной лѣсп-
 ницы. Луна скрылась за черной тучей.
 Изъ глубины раздалось важное пѣніе.

О Рокъ! . . доколь вопице поминися! . .

Смягчи суровость твоя свою!

Твой тронъ на черной тучѣ мчился, —

Не слышишь ты мольбу мою. —

Увѣнчанъ молніями ты,

Твоя одежда — мрачнѣй ночи;

Бдящъ надъ богами и людьми

Твои недремлющія очи.

Кто палъ въ объятія твои, —

И чья глава хоть разъ сокрылась

Подъ шемной мантией твоей,

Того жизнь — въ муку обратилась.

Въ его померкнувшихъ глазахъ
Темно дня яснаго сіянье ;
Стезей, пробитыхъ имъ въ скалахъ
Не освѣтитъ н звѣздъ мерцанье.

Бѣжитъ за счастьемъ онъ чрезъ тьму ,
Но щепно — не пуда дорога !
И можетъ дать покой ему
Одна лишь только помощь Бога. —

КОНЕЦЪ 1-й ЧАСТИ.